

УВЕЩАНИЕ К ПОДВИГАМ ДОБРОДЕТЕЛИ

СБОРНИК БЕСЕД
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

СПАСЬ

Святитель Иоанн Златоуст

**Увещание к подвигам
добродетели. Сборник
бесед святого отца нашего
Иоанна Златоустого духовно-
нравственного содержания**

Православное издательство "Сатись"

1876

Златоуст С.

Увещание к подвигам добродетели. Сборник бесед святого отца нашего Иоанна Златоустого духовно-нравственного содержания / С. Златоуст — Православное издательство "Сатись", 1876

ISBN 5-7373-0007-2

Вселенский Учитель и Святитель Иоанн Злато-устый во всех своих беседах на различные случаи, на места Священного Писания и в толкованиях его, предлагал духовно-нравственные поучения и в каждом касался или пороков, которые старался искоренить, или добродетелей, которые старался насадить в душах слушателей, возбуждал ревность к чтению Божественного Писания и исполнению всех заповедей и всякой добродетели, заботиться о спасении души своей и не довольствоваться одной добродетелью или одним знанием заповедей Божиих, но тщательно исполнять все. Печатается по изданию 1876 г., Москва. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 5-7373-0007-2

© Златоуст С., 1876
© Православное издательство
"Сатись", 1876

Содержание

Предисловие	6
Беседа 1	7
Беседа 2	9
Беседа 3	12
Беседа 4	14
Беседа 5	16
Беседа 6	17
Беседа 7	18
Беседа 8	20
Беседа 9	21
Беседа 10	25
Беседа 11	28
Беседа 12	30
Беседа 13	31
Беседа 14	33
Беседа 15	35
Беседа 16	37
Беседа 17	38
Беседа 18	40
Беседа 19	42
Беседа 20	45
Беседа 21	46
Беседа 22	48
Беседа 23	49
Беседа 24	51
Беседа 25	53
Беседа 26	55
Беседа 27	58
Беседа 28	59
Беседа 29	60
Беседа 30	62
Беседа 31	63
Беседа 32	65
Беседа 33	66
Беседа 34	69
Беседа 35	72
Беседа 36	74
Беседа 37	76
Беседа 38	78
Беседа 39	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Увещание к подвигам добродетели

© «Сатись» оригинал-макет, оформление, 1997

Предисловие

Вселенский Учитель и Святитель Иоанн Златоустый во всех своих беседах на различные случаи, на места Священного Писания и в толкованиях его, предлагал духовно-нравственные поучения и в каждом касался или пороков, которые старался искоренить, или добродетелей, которые старался насадить в душах слушателей, возбуждал ревность к чтению Божественного Писания и исполнению всех заповедей и всякой добродетели, заботиться о спасении души своей и не довольствоваться одной добродетелью или одним знанием заповедей Божиих, но тщательно исполнять все. В одной беседе¹ на притчу о должнике он говорит: «Некоей чудной песни хочу научить вас, взяв не мертвую лиру в руки, но вместо струн, натянув историю Писания и заповеди Божии. И как арфисты, взяв пальцы учеников, тихонько прикладывают их к струнам, и, приучая ударять с искусством, выучивают их из мертвых тонов и струн извлекать звук нежнее и приятнее всякого голоса: так сделаем и мы. Взявши вместо пальцев ум ваш и прикладывая его к заповедям Божиим, попросим любовь вашу касаться их с умением, чтобы этим увеселением восторгнуть нам не собрание людей, но лик Ангелов. Не довольно того, чтобы только проследить Божественные слова; нет, требуется еще доказательство от дел. Как на арфе, конечно, ударяет по струнам игрок искусный, ударяет и неискусный; но один наводит на слушателя скуку, другой увеселяет и восхищает его; пальцы одинаковы и струны одни, но не одно искусство: так и в отношении к Божественному Писанию, — многие, конечно, узнают Божии слова, но не все получают пользу, не все приносят плод; причина та, что они не углубляются в сказанное, и без искусства касаются арфы. Ибо, что в игре на арфе искусство, то в отношении к Божиим законам доказательство от дел. Как на арфе мало того, чтобы извлечь мелодию из одной струны, но должно пройти по всем струнам с надлежащей стройностью; так и в отношении к душевной добродетели, недостаточно нам для спасения одной заповеди, но должно со тщанием соблюдать их все, — если только хотим делать такую мелодию, которая приятнее и полезнее всякой гармонии».

Предлагаемые в сей книге беседы могут быть руководством в жизни каждого христианина.

---

¹ Хр. Чт. 1849 г. 6 Бес.

Беседа 1

О том, что беспечным невозможно получить Царствия Небесного²

Не будем, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно беспечным сподобиться Царствия Небесного, равно и преданным роскоши и невоздержанию. Скорее, изнуряя и измощдая свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага. Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит нам брань, как склонен человек ко злу, как окружает нас грех и какие расставляет сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о чреве, об одежде и о доме? Разве не довольно попечений о вещах необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти заботы: не пецйтесь, говорит Он, душою вашею, что ясте, ни телом вашим, во что облечетесь (Мф. 6, 25). Если же не должно пещись о необходимой пище и одежде, и даже о наступающем дне; то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: никтоже воин бывая, обязуется куплями житейскими (2 Тим. 2, 4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми. Разве не знаете, что обещанное нам выше человеческого? Ходящий по земле не может взойти на высоты небесные; а мы даже не стараемся жить по-человечески, но стали хуже самых бессловесных. Разве не знаете, какому предстанем мы судилищу? Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях? А мы не заботимся даже о делах!

Иже воззрит на жену, говорит Господь, ко еже вожелети ея, уже любодействова с нею (Мф. 5, 28); а люди, которые должны отдать отчет за каждый нескромный взгляд, не сомневаются согнивать в самом этом грехе. Иже речет брату своему: уроде, повинен есть геенне (ст. 22); а мы не престаем срамить братьев своих бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (ст. 46); а мы ненавидим и любящих. Как же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов? Что скажем в свое оправдание? Кто предстанет и поможет нам, когда мы подвергнемся наказанию? Никто; но с воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в место неотвратимых мучений и невыносимых казней. Посему увещаю, прошу и, касаясь колен ваших, умоляю: пока есть краткий срок жизни, примите с сокрушением слова мои, обратитесь, исправьтесь, дабы там по смерти, подобно богатому, нам не плакать бесполезно и не скорбеть безнадежно. Отец ли твой, или сын, или друг, или кто иной будет иметь дерзновение пред Богом, никто тогда не избавит тебя от мучений, заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище; оно судит по одним делам, а иначе спастись там невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить вас или привести в отчаяние, но для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и надеясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели. Ибо, если мы будем беспечны, то нас не защитит никто – ни праведник, ни Пророк, ни Апостол; если же будем ревностны, имея достаточную защиту в собственных делах, то со дерзновением удостоимся благ, уготованных любящим Бога, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с

---

² 42 Бес. на 1 пос. к Коринф.

Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков.
Аминь.

Беседа 2

О страшном суде и воздаянии³

Будем, увещаваю вас, возлюбленные, избегать порока и избирать добродетель, дабы нам не посрамиться в день откровения дел. Всем бо явится нам подобает пред судилищем Христовым, говорит Павел, да примет кийждо яже содела или блага, или зла (2 Кор. 5, 10). Будем же иметь в уме это судилище и представим, что оно теперь существует, что судия сидит и все открывается и выставляется на вид. Ибо нам нужно будет не только предстать, но и открыться. Неужели вы не смущаетесь? Неужели не трепещете? Не решаемся ли мы часто лучше умереть, нежели открыть пред почтенными друзьями наше тайное преступление? Как же будем чувствовать себя тогда, когда грехи наши откроются пред всеми Ангелами и всеми людьми и предстанут пред нашими глазами? Обличу тя, говорит Господь, и представлю пред лицом твоим грехи твои (Пс. 49, 21). Если же тогда, когда еще нет самого события, а только оно предполагается и изображается словами, мы терзаемся совестью; то что мы будем делать, когда оно наступит, когда будет присутствовать вся вселенная, и ангелы, и архангелы, и начала, и власти, когда будут непрерывно звучать трубы, когда праведники будут подняты на облаках, и будет великий плач грешников? Какой тогда страх обнимет оставшихся на земле? Ибо сказано: едина поемлется, и едина оставляется: один поемлется, а другой оставляется (Мф. 24, 40–41).

В каком состоянии будет душа их, когда они увидят, как другие отводятся с великой честью, а они оставляются с великим стыдом? Невозможно, поверьте, невозможно выразить словом этого страдания. Видали ли вы когда-нибудь отводимых на смерть? В каком, думаете, состоянии находится душа их, когда они идут путем до места казни? Чего не решились бы они и сделать, и претерпеть, чтобы избавиться от этой тьмы? Я слышал от многих, которые после отведения на казнь были возвращены назад по человеколюбию царскому, что они даже в людях не узнавали людей от душевного смущения и ужаса. Но что я говорю об отводимых на казнь? Их окружал народ, из которого большая часть и не знала их; но если бы кто взглянул тогда в душу каждого, то нашел бы, что нет ни одного столь жестокого, ни одного столь смелого, ни одного столь мужественного, который бы не пал и не смутился в душе от страха и уныния. Если же тогда, как другие предаются смерти, не имеющие с ними никакого общения, бывают в таком расположении, то в каком состоянии будем находиться мы, когда сами подвергнемся более тяжкой участи, быв лишены той неизреченной радости и отсылаемы на вечное мучение? Если бы даже не было геенны, то быть отвергнутым от такой светлости и отойти с бесчестьем, каким будет наказанием? Ибо если теперь многие, видя шествующего царя, представляя собственную бедность, не столько получают удовольствия от этого зрелища, сколько испытывают скорби от того, что не участвуют ни в чем из окружающего царя и не находятся близ повелителя, то что будет тогда? Или, вы думаете, малым будет наказанием – не быть поставленным наряду с другими в том сонме, не удостоиться неизреченной славы, быть удаленным и остаться далеко от того торжества и неизглаголаных благ? Но если кроме того будут и мрак, и скрежет зубов, и узы неразрешимые, и червь неумирающий, и огонь неугасающий, и плач, и стенание, и языки, мучимые жаром как у богача, когда будем вопиять и никто не услышит, будем стенать и плакать от страданий и никто не станет внимать, будем смотреть во все стороны и никто нисколько не утешит, то как судить о находящихся в таком состоянии? Что может быть несчастнее этих душ? Что горестнее?

Если мы, войдя в темницу и видя одних грязными, других связанными железными оковами, третьих заключенных во мраке, трогаемся, ужасаемся и делаем все, чтобы самим не

---

³ 3 часть Бес. на мес. Св. Пис. с. 331.

впасть в такую же беду и скорбь; то, когда мы связанные будем отведены в самые геенские мучения, в каком мы будем состоянии? Что будем делать? Те узы не из железа, но из огня, никогда неугасающего, и распоряжаться нами будут не подобные нам, которых часто можно смягчить, но ангелы страшные и несострадательные, на которых невозможно будет и взглянуть, которые будут сильно гневаться на нас за дела, какими мы оскорбили Господа. Там не так, как здесь, невозможно расположить к себе одних серебром, других яствами, иных льстивыми словами и получить облегчение, но ни в чем там нет прощения. Будет ли Ной, или Иов, или Даниил видеть ближних своих мучимыми, они не осмелятся предстать и подать руку помощи. Ибо тогда случится, что истребится и естественное сострадание; так как найдутся праведные отцы детей грешных, и добрые дети родителей порочных, – ибо зло не от природы, а от воли, – то, дабы радость их была чистой и сострадание не нарушало блаженства наслаждающихся теми благами, и оно тогда может угаснуть, так что и они вместе с Господом будут негодовать на своих единокровных (грешников). Ибо, если и теперь некоторые, видя своих детей негодными, удаляют их от себя и отказываются от родства с ними, то тем больше это будет на том суде. И так никто пусть не надеется на что-нибудь хорошее, не сделав хорошего, хотя бы он имел множество праведных предков. Ибо кийждо, говорит Апостол, примет яже с телом содела, или блага, или зла (2 Кор. 5, 10). Будем же, увещаю вас, внимать и вразумляться. Если ты будешь иметь огонь порочного пожелания, представь огонь тамошнего мучения, и твой огонь погаснет. Если ты захочешь сказать что-нибудь непристойное, представь скрежет зубов, и страх послужит для тебя уздой. Если ты пожелаешь похитить что-нибудь чужое, припомни слова Судии: свяжите ему руце и нозе, вверзите его во тму кромешную (Мф. 22, 13), и ты оставишь свое намерение. Если ты жесток и немилостив, вспомни тех дев, у которых погасли светильники от недостатка елея, от чего они и лишились брачного чертога, и ты скоро будешь человеколюбивым. Если у тебя будет желание упиваться и роскошествовать, послушай богача, который говорил: послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой, и не получил желаемого (Лк. 16, 24), и тотчас ты оставишь свою страсть. И все другие страсти ты можешь укротить таким образом. Бог не предписывает нам ничего тяжкого. От чего же заповеди Его кажутся тяжкими? От нашего нерадения. Как в том случае, если мы будем усердны, и кажущееся тяжким будет легко и удобно, так в том случае, если мы будем нерадивы, и легкое покажется нам трудным. Представляя все это, не будем считать блаженными тех, которые живут роскошно, но будем помышлять о кончине их: здесь плотность и тучность, а там червь и огонь; также и хищников не будем считать блаженными, но смотреть, какова их кончина: здесь заботы и труды, а там неразрешимые узы и тьма кромешная; также – и любящих славу, но смотреть, какова их кончина: здесь раболепство и притворство, а там великое страдание и постоянное горение в огне. Если мы таким образом будем рассуждать с самими собою, и непрестанно повторять это и тому подобное, при наших порочных пожеланиях, то скоро будем избегать пороков и исполнять добродетели, погасим любовь к благам настоящим и воспламеним любовь к благам будущим.

Подлинно, что в настоящих благах есть прочного или необыкновенного и дивного, чтобы посвящать им все свои заботы? Не видим ли мы, что одно и тоже постоянно круговращается, например, день и ночь, ночь и день, зима и лето, лето и зима, и больше ничего?

Будем же воспламенять в себе любовь к будущим благам. Великая слава ожидает праведников, такая, какой невозможно изобразить словом. Ибо они, восприняв нетленные тела по воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом.

А как это важно, мы узнаем из следующего, или лучше сказать, ясно узнать это мы ниоткуда не можем; но чтобы, заимствуя подобие от наших благ, нам получить какое-нибудь, хотя малое понятие о тех благах, я по силам своим постараюсь пояснить сказанное примером. Скажи мне: если бы кто-нибудь тебя, устаревшего и живущего в бедности, обещал вдруг сделать молодым и привести в самый цветущий возраст, сделать и весьма крепким, и прекрасным больше всех, и даровать тебе царствование над всей землей на тысячи лет, царствование,

сопровождающееся глубочайшим миром, чего бы не решился ты за это обещание и сделать и претерпеть? Но вот Христос обещает не это, а гораздо больше этого. Ибо не такова разность между старостью и юностью, какова между тлением и нетлением; не такова – между царствованием и бедностью, какова между славой настоящей и будущей; но – какова между сновидениями и истиной. Или лучше, я еще не сказал ничего; потому что нет слова, которое могло бы достаточно изобразить великость отличия благ будущих от настоящих. А в отношении к продолжительности невозможно и умом представить их различия. Ибо с чем настоящим можно сравнить жизнь, не имеющую конца? В отношении же к миру разность между ними такова, какова между миром и войной; и в отношении к тлению и нетлению такова, как чистая жемчужина превосходнее грязной глыбы. Или лучше, что ни сказал бы кто, ничем не в состоянии будет изобразить этого. Хотя бы даже я сравнил красоту тогдашних тел со светом солнечного луча, хотя бы с блистательнейшей молнией, я еще не сказал бы ничего достойного той светлости. А за такие блага сколько можно отдать денег и тел? Или лучше, сколько можно отдать душ? Между тем, если бы тебя кто-нибудь привел к царю и доставил тебе возможность в присутствии всех разговаривать с царем и вместе с ним кушать и жить, то ты назвал бы себя блаженнейшим всех; а, имея возможность взойти на небо, предстать самому Царю всего, блистать подобно Ангелам и наслаждаться тамошней неприступной славой, ты недоумеваешь, можно ли жертвовать деньгами, тогда как следовало бы, хотя бы нужно было отдать и саму жизнь, веселиться, радоваться и восхищаться от удовольствия? Но ты для того, чтобы получить власть, доставляющую тебе случаи к воровству, – я не назову этого приобретением, – тратишь свое имение, занимаешь у других, и, если бы нужно было, не усомнился бы заложить и жену, и детей; а когда предстоит Царство Небесное, власть, не имеющая преемника, ты медлишь, колеблешься и желаешь деньги? Или ты не думаешь, что, если близкие к нам части неба так хороши и приятны, то каковы части высшие, каково небо небес? Но так как телесными глазами видеть их нельзя, то вознесись мыслью, и, ставши выше этого неба, посмотри на небо высшее, на высоту беспредельную, на свет неприступный, на сонмы ангелов, на воинство архангелов и на другие бестелесные силы. И опять, сошедши с высоты, возьми приведенный нами пример, именно представь царя земного, мужей, одетых в золото, упряжку белых лошаков, украшенных золотом, колесницу, окованную драгоценными камнями, бляхи, к ней прикрепленные, изображения драконов на шелковых одеждах, аспидов с золотыми глазами, лошадей, облеченных в золото, и узды золотые. Между тем, когда мы увидим самого царя, то уже не смотрим ни на что из всего этого; он один обращает на себя наше внимание, его пурпуровые одежды, диадима, седалище, пояс, обувь, светлое лицо. Тщательно сообразив все это, отсюда ты опять перенесись мыслью на небо и представь тот страшный день, в который придет Христос. Тогда ты увидишь не упряжку лошаков, не золотые колесницы, не драконов и аспидов, а то, что внушает великий страх и производит такое изумление, что и самые силы небесные ужасаются.

И силы небесные, говорится в Писании, подвигнутся (Мф. 24, 29). Тогда отверзется все небо и сойдет Единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати и не ста, но тысячи и десятков тысяч ангелов и архангелов, и все будет исполнено страха и ужаса; земля разверзется, и все люди, когда-либо существовавшие, от Адама до настоящего времени, восстанут из земли и будут восхищены, а Он сам будет блистать такой славой, что солнце и луна скроют весь свет свой, который помрачится Его сиянием. Но, – как прискорбна великая наша бесчувственность! – когда ожидаются такие блага, мы еще пристращаемся к благам настоящим, и не разумеем злобы диавола, который чрез маловажное лишает нас великого, дает грязь, чтобы отнять небо, показывает тень, чтобы удалить от истины, представляет великолепие в сновидениях, – ибо таково настоящее богатство, – чтобы, когда придет тот день, явить нас беднейшими всех. Зная это, возлюбленные, будем избегать коварства его, будем опасаться осуждения вместе с ним, чтобы не сказал и нам Судия: идите от Мене проклятии во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелом его (Мф. 25, 41).

Беседа 3

Увещание ходить в церковь⁴

Когда посмотрю на вашу малочисленность и вижу, что наше стадо уменьшается в каждое собрание, то и скорблю, и радуюсь за вас, которые здесь теперь скорблю за тех, которых здесь нет. Вы достойны похвал за то, что не стали беспечнее и от малочисленности; они заслуживают порицания за то, что не возбуждаются к усердию и вашей ревностью. Поэтому и называю вас счастливыми и блаженными за то, что вам нисколько не повредила беспечность тех; а тех почитаю жалкими и оплакиваю за то, что им не принесла никакой пользы ваша ревность. Не слышали они, что говорит Пророк: изволих приметися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничих (Пс. 83, 11). Не сказал: изволих жить в дому Бога моего, ни: обитать, ни: войти, но: изволих приметися. Я рад, говорит, быть и в числе последних; доволен буду и тем, если удостоюсь войти в преддверие; почту за величайший дар, если меня поставят между последними в доме Бога моего. Общего всех Господа любовь усвоет себе, такова уже любовь. В дому Бога моего. Любящий желает видеть не только самого любимого, и не только дом его, но и преддверие, и не только преддверие дома, но и самую улицу и переулок; и если увидит хоть одежду или обувь друга, думает, что пред ним сам друг его.

Таковы были Пророки: так как они не видели бестелесного Бога, то взирали на храм, и в нем представляли себе присущим самого Бога. Изволих приметися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениях грешничих. Всякое место, всякий дом, будет ли то судилище, или сенат, или частный дом, – в сравнении с домом Божиим, есть селение грешников. Ибо, хоть и там бывают молитвы и моления, но неизбежно бывают также раздоры, и ссоры, и брани, и совещания о житейских делах: а этот дом (Божий) чист от всего этого. Вот почему те места – селения грешников, а это – дом Божий. И как пристань, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам: так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно, и слушать слово Божие. Это место есть школа добродетели, училище любомудрия. Приди, не только во время собрания, когда бывает чтение Писания, духовное поучение, и собор честных отцев; нет, во всякое и другое время приди только в преддверие, и тотчас отложишь житейские заботы. Войди в преддверие, и – как бы ветерок какой-нибудь духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх и учит любомудрию; возбуждает ум, и не дает помнить о настоящем, переносить тебя с земли на небо.

Если же так полезно быть здесь и без собрания, то какую пользу получают здесь присутствующие, и какую потерю несут отсутствующие тогда, когда Пророки вопиют со всех сторон, когда Апостолы благовествуют, когда Христос стоит посреди, когда Отец одобряет происходящее здесь, когда Дух Святой сообщает свою радость? Хотел бы я знать, где теперь уклонившиеся от собрания, что удержало их и отвлекло от этой священной трапезы, – о чем у них разговор? – Впрочем, я хорошо знаю это: они или разговаривают о вещах непристойных и смешных, или предались житейским заботам, а занятие тем и другим непростительно и заслуживает самого строгого наказания. О первых не нужно и говорить и доказывать: но – что и те, которые ссылаются пред нами на домашние дела и говорят, будто неизбежная надобность по этим делам удерживает их (от присутствия в Церкви), что и эти люди не могут получить прощения, так как призываются сюда только однажды в неделю, но и в это время не хотят предпочесть духовное земному, – это ясно из Евангелия. Званные на духовное брачное пиршество извинялись вот как: один купил рабочих волов, другой купил землю, третий женился; однакож

---

⁴ 31 Бес. Хр. Чт. 1849 г. бес. о перем. имен.

они наказаны (Лк. 14, 18–24). Дела необходимые, но и они не извинительны, когда призывает Бог, потому что все, необходимое для нас, ниже Бога.

Сперва честь Богу, а потом уже забота и о прочем. Какой слуга, скажи мне, станет заботиться о своем доме прежде, нежели исполнит господскую службу? Так не странно ли – по отношению к людям, где господство голое имя, оказывать господам такое почтение и повиновение, а к истинному Владыке, не только нашему, но и горних сил, не иметь и такого уважения, какое оказываем подобным нам рабам? – О, если бы вы могли войти в их (не присутствующих в Церкви) совесть, тогда ясно увидели бы, сколько у них ран, сколько терний! Как земля, необрабатываемая руками земледельца, глохнет и зарастает кустарником: так и душа, непользуемая духовным наставлением, произращает терния и волчцы. Ибо, если и мы, каждодневно слушающие Пророков и Апостолов, едва удерживаем свой гнев, едва обуздываем ярость, едва укрощаем похоть, едва извергаем из себя гной зависти, и, постоянно напевая своим страстям стихи из Божественного Писания, едва умиряем этих наглых зверей: то они никогда не пользующиеся этим врачевством и не слушающие Божественного любомудрия, – они какую, скажи мне, могут иметь надежду на спасение? Хотелось бы мне быть в состоянии показать вашим глазам душу их: вы увидели бы, как она нечиста, осквернена, расстроена, унижена и безнадежна! Как тела не пользующихся банею покрываются множеством пыли и грязи: так и душа, не пользующаяся духовным учением, покрывается великой нечистотой грехов. Здешнее (в Церкви) есть духовная баня, теплотой Духа очищающая всякую нечистоту: еще более, огонь Духа очищает не только нечистоту, но и самый цвет. Аще, говорит Бог, будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю (Ис. 1, 18); пусть, то есть, греховная скверна так крепко вопьется в существо души, что получит уже неизменный цвет краски, и тогда Я могу перевести ее в противоположное состояние, потому что довольно Моего мановения, и – все грехи истребятся.

Беседа 4 О псалмопении⁵

Для чего употребляется пение? Бог, видя, что многие из людей нерадивы, тяготятся чтением духовных писаний и неохотно принимают на себя этот труд, и желая сделать этот труд вожденным и уничтожить чувство утомления, соединил с пророчествами мелодию, чтобы все, услаждаясь стройностью напева, с великим усердием возносили Ему священные песнопения. Ибо ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает Любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная Божественная песнь. Природа наша так услаждается песнями и стройными напевами и имеет такую к ним склонность, что и грудные дети, когда плачут и бывают беспокойны, усыпляются ими.

Кормилицы, нося их на руках и ходя взад и вперед, напевают им какие-нибудь детские песни и тем погружают в сон глаза их. Часто и путешественники, в жаркий полдень, погоняя подъяремных животных, продолжают путь с пением, и этими песнями облегчают тягость путешествия. И не только путешественники, но и земледельцы, выжимая виноградный сок, собирая или очищая виноград, или делая что-нибудь другое, часто также поют. И мореплаватели, работая веслами, делают то же. Даже и женщины, когда прядут и спутавшуюся пряжу расправляют гребнем, иногда каждая порознь, а иногда все вместе поют какую-нибудь песню. Все же, и женщины, и путешественники, и земледельцы, и мореплаватели, делают это для того, чтобы пением облегчить трудность работы, так как душа при звуках стройной песни, легче может переносить и скуку и труд. Поэтому, так как душа наша имеет склонность к этому роду наслаждения, дабы злые духи введением развратных песней не испортили всего. Бог для ограждения от них установил псалмы, от которых бывает и удовольствие и вместе польза. От мирских песней может произойти вред, гибель, и много других зол: ибо все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение, и служат руководством ко всякому Любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святой скоро нисходит в душу, поющую эти песни. А что действительно поющие их с разумением призывают на себя благодать Духа, о том, послушай, как говорит Павел: не упивайтесь вином, в нем же есть блуд, но исполняйтесь Духом: воспевающе, говорит, и поюще в сердцах ваших Господеви (Ефес. 5, 18–19). Что значит: в сердцах ваших? т. е. с разумением, не так, чтобы уста произносили слова, а душа везде блуждала по внешним предметам, но чтобы душа внимала тому, что произносит язык.

Как туда, где грязь, бегут свиньи, а где цветы и благоухания, там обитают пчелы; так и туда, где развратные песни, собираются бесы, а где песни духовные, туда нисходит благодать Духа и освящает уста и душу. Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, но чтобы вы и детей и жен учили петь такие песни не только при занятии пряжею и при других работах, но особенно за трапезой. Так как диавол строит козни большей частью во время пиршеств, при содействии упоения, пресыщения, непристойного смеха и душевного расслабления; то особенно тогда, и пред трапезой и после трапезы, нужно защищать себя от него оградой псалмов и, вставши из-за стола вместе с женой и детьми, воспевать Богу священные песни. Ибо, если Павел, имея на себе невыносимые раны, нося на ногах колоду и находясь в темнице, в полночь, когда все покоятся особенно сладким сном, вместе с Силою воспевал славословие Богу, и ни место, ни время, ни заботы, ни склонность ко сну, ни утомление от таких трудов и ничто дру-

---

⁵ Бес. на 41 псал.

гое не принудило его прекратить песнопение; то тем более мы, наслаждаясь благоденствием и дарами Божиими, должны возносить Богу благодарственные песни, чтобы, если от упоения и пресыщения войдет в нашу душу что-нибудь нечистое, псалмопением прогнать все нечистые и порочные пожелания. И как многие из богатых, намочив губку бальзамом, вытирают ею столы, чтобы, если останется от кушаньев какое-нибудь пятно, стереть его и сделать стол чистым; так точно будем поступать и мы, вместо бальзама наполняя уста духовной мелодией, чтобы, если от пресыщения произойдет в душе какая-нибудь нечистота, смыть ее этой мелодией, и встав все вместе будем восклицать: возвеселил еси нас, Господи, в творении твоём, и в делах руку твою возрадуемся (Пс. 91, 5). К псалмопению пусть присоединится и молитва, чтобы вместе с душой нам освятить и самый дом. Ибо как те, которые приводят на пиршества шутов, плясунов и непотребных женщин, призывают туда бесов и диавола и наполняют свои дома множеством бесчинств, потому что отсюда происходят ссоры, блуд, прелюбодеяние и множество зол; так те, которые призывают к себе Давида с псалтырью, чрез него призывают к себе Христа. А где Христос, туда ни один бес никогда не осмелится не только войти, но и заглянуть; напротив, мир, любовь и все блага польются туда, как из источников. Те обращают дом свой в зрелище, а ты сделай свое жилище церковью.

Ибо где псалом, молитва, ликование пророков и боголюбозное настроение духа поющих, – такое собрание не-погрешительно можно назвать церковью.

Даже, хотя бы ты не разумел силы слов, приучай по крайней мере уста произносить их. И язык освящается этими словами, когда они произносятся с усердием. Если мы приобретем себе такой навык, то уже ни по воле, ни по лености никогда не оставим этого прекрасного занятия, потому что навык будет побуждать нас даже поневоле каждый день совершать это прекрасное служение. При таком песнопении, будет ли кто стар или молод, или с грубым голосом, или совершенно незнаком со стройностью пения, в том не будет никакой вины. Здесь требуется целомудренная душа, бодрый ум, сердце сокрушенное, помысл твердый, совесть чистая. Если с этими качествами ты вступишь в святой хор Божий, то можешь стать наряду с самим Давидом. Здесь не нужно ни псалтири, ни натянутых струн, ни смычка, ни искусства, и никаких орудий; но, если захочешь, можешь сделать самого себя псалтырью, умертвив члены плотские и настроив свое тело согласно с душой. Когда плоть твоя не будет похотствовать на духа (Гал. 5, 17), но будет повиноваться его велениям и приводить их в исполнение на этом прекрасном и дивном пути, тогда ты составишь духовную мелодию. Здесь не требуется искусство, приобретаемое долговременным упражнением, а нужна только твердая решимость, и мы в самое короткое время приобретем опытность. Для этого не требуется ни особенное место, ни особенное время, но на всяком месте и во всякое время можно петь мысленно. Ходишь ли на торжище, находишься ли в путешествии, сидишь ли в обществе друзей, везде можно возбудить душу, можно взывать и молча. Так взывал и Моисей, и Бог услышал. Ремесленник ли ты?

Сидя в мастерской и занимаясь работой, ты можешь петь. Воин ли ты, или заседаешь в суде? Можешь делать тоже самое. Можно петь и без голоса, когда душа внутри издает звуки; потому что мы поем не для людей, но для Бога, Который может слышать сердца и проникать в сокровенную глубину нашей души. Об этом свидетельствует и Павел, когда говорит: сам Дух ходатайствует о нас воздыханием неизглаголаннскими.

Испытай же сердца весть, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствует о святых (Рим. 8, 26–27).

Так он говорит не в том смысле, будто Дух воздыхает, но в том, что духовные мужи, обладающие дарованиями Духа, молясь о ближнем и вознося прошения, делают это с сокрушением сердца и с воздыханиями.

Тоже будем делать и мы и каждый день станем обращаться к Богу с псалмопениями и молитвами.

Беседа 5

Увещание не гордиться⁶

Благородно мыслящему человеку не должно хвалиться не только тем, чего не имеет, но и тем, что имеет. Так поступал патриарх Авраам, который говорит: аз есмь земля и пепел (Быт. 18, 27). Поелику он не имел таких грехов, о которых бы мог сказать, а сиял добродетелями: то, рассмотревши все, и не нашедши важного предлога к обличению самого себя, обратился к природе своей. И поелику слово – земля, в некотором отношении еще почтенно, то и присо-вокупил слово – пепел; посему же и другой некто сказал: почто гордится земля и пепел (Сир. 10, 9)?

Не говори мне ни о цвете лица, ни о вытянутой шее, ни об одежде, ни о коне, ни о свите, но размысли, и скажи: чем все это оканчивается? Если ты указываешь на видимое, то я покажу тебе тоже на картинах, и еще гораздо блистательнейшее. Но как мы не удивляемся изображенному на картинах, зная, что это в существе своем грязь; так нет причины и сему удивляться. Ибо и сие также грязь. Но и прежде, нежели сие разрушится и обратится в пыль, покажи мне этого вытянутого, когда он страждет горячкой, и находится при последнем издыхании; тогда побеседую с тобою, и спрошу: что сделалось из всего богатого украшения? Куда девалось множество ласкателей и услужливых рабов, обилие богатства и стяжаний?

Какой ветер нашел и развеял все это? Но скажешь, что он, и лежа на сем одре, имеет при себе знаки богатства и знатности, облечен в великолепные одежды, сопровождаем бедными и богатыми и прославляем народом. Хотя и это уже весьма смешно; однако же оно тотчас, подобно цветку, опадет и развеется. И как скоро выйдем за ворота города и, предавши тело червям, возвратимся, спрошу опять тебя, куда идет эта многочисленная толпа? Где прежний вопль и шум? Где светильники? Где лики женщин? Не сновидение ли все это? Что значили сии вопли? Где те бесчисленные голоса, которые кричали и убеждали не страшиться, потому что смерти нет? Не теперь надлежало говорить ему о сем, не теперь, когда уже не слышит; но в то время, когда похищал, предавался любостязательности, с небольшой переменой слов надлежало бы говорить ему: не надобно слишком надеяться, – никто не бессмертен на земле; удержишь от своего безумия, угаси похоть, не надейся на несправедное стяжание. Теперь говорить ему о том свойственно не доброжелателю, а насмешнику; потому что сим заставишь его не надеяться, а страшиться и трепетать.

Но если бесполезно уже сие для сошедшего с поприща: то по крайней мере пусть услышат те из богатых, которые страждут той же болезнью, и сопровождают гроб. Они, быв упоены богатством, ничего такого не представляли себе прежде, но в настоящее время, когда самый вид лежащего пред ними уверяет их в истине наших слов, пусть образумятся и научатся, что через несколько времени и они будут отведены к страшному отчету, чтобы принять наказание за все, что они похищали и несправедно приобретали.

---

⁶ 23 Бес. на 2 пос. к Коринф.

Беседа 6

О том, чтобы всегда призывать имя Божие, и за все благодарить Его⁷

Будем всегда молиться Богу. Будь ты хоть на торговой площади; можешь обратиться в себя и петь Богу, не будучи никем слышим, ибо и Моисей так молился, и был услышан. Что вызываешь ко мне, говорит ему Бог? А он ничего не высказал, но вызвал мысленно, с сокрушенным сердцем. Почему и Бог слышал его один. Ибо не мешает и во время пути молиться сердцем и быть горе. Апостол говорит: поюще в сердцах ваших Господеви. И все еже аще что творите, словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тем (Кол. 3, 16–17). Если мы будем так поступать; то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, – все делай во имя Божие, т. е. призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнестъ? Предпоставь это. Потому-то и мы в своих письмах наперед поставляем имя Господа; ибо где имя Господа, там все благополучно. Если имена консулов охраняют грамоты, то тем более – имя Христово... Ешь ли? – благодари Бога, с решимостью тоже делать и после. Спишь? – благодари Бога, с решимостью тоже делать и после. Идешь на площадь? – тоже делай. Да не будет ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни; то тем более облегчает совершение дел. И что значит творить словом или делом? – Этим указывает или на выходящего, или на делающего что-либо подобное. Послушай, как Авраам во имя Божие посылал раба. Давид во имя Божие умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его! Потом опять Иаков, посылая детей, говорит: Бог же мой да даст вам благодать пред мужем (Быт. 43, 14); ибо кто делает это, тот помощником имеет Бога, без которого не дерзал ничего делать: так как чествуемый призыванием Бог воздает честь дарованием благополучного хода делам. Призывай Сына, благодари Отца; ибо, призывая Сына, ты призываешь и Отца, и, благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами.

Сему имени нет ничего равного: оно всегда дивно. Мирозлиянное, говорит, имя твое (Песн. Песн. 1, 2). И кто произносит оное, тот вдруг исполняется благоухания. Никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым (1 Кор. 12, 3). Столь многое совершается этим именем! Если слово: во имя Отца и Сына и Святого Духа ты произнес с верою; то ты все совершил. Смотри, сколько ты сделал: ты воссоздал человека, и произвел все прочее, в таинстве Крещения. Таким образом это страшное имя владычествует и над болезнями... Если бы ты пел это с верою, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не от того, что оно слабо, а от того, что болезнь полезна. Сам именем превращена вселенная, разрушено тиранство, поправлен диавол, отверзлись небеса. Но что я говорю – небеса?

Сим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугождать Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Им же и с Ним же собезначальному Его Отцу, вместе с Пресвятым Духом, слава и держава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

⁷ 9 Бес. на Пос. к Колос.

Беседа 7

О пользе чтения Божественного Писания⁸

От чтения Божественного Писания можно получать немалую и не незначительную пользу. Оно предлагается всем беспрепятственно, и всякий желающий может извлекать из него свойственное удручающей его страсти врачевство и получать скорое исцеление, только бы не отвергал целительного врачества, но принимал с благодарностью.

Действительно, из всех недугов, обременяющих человеческую природу, нет ни одной болезни, ни душевной, ни телесной, которая не могла бы получить врачевства из Писания. Так, например, приходит ли кто сюда (в церковь) удручаемый печальными обстоятельствами житейскими, от которых он предается унынию? Пришедши и тотчас услышав слова Пророка: вскую прискорбна еси душе моя; и вскую смущаеши мя; уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего, и Бог мой (Пс. 41, 6, 7), – он получает достаточное утешение, и уходит отсюда, совершенно свободный от уныния. Другой скорбит и печалится, будучи обременяем крайней бедностью и видя, как другие окружены богатством, пышностью и великолепием; но и он слышит опять слова того же Пророка: возверзи на Господа печаль твою, и той тя препитает (Пс. 54, 23), и в другом месте: не убойся, егда разбогатеет человек: яко внегда умрети ему, не возмет вся (Пс. 48, 17, 18). Иной унывает, претерпевая от других оскорбления и клеветы, и считает жизнь свою невыносимой, потому что не может ниоткуда получить человеческой помощи; но и этот научается тем же блаженным Пророком не прибегать в подобных обстоятельствах к человеческой помощи; ибо слышит слова сего Пророка: оболаху мя, аз же моляхся (Пс. 108, 4). Видишь, где он ищет помощи? Другие, говорит, строят козни, клеветы и наветы: а я прибегаю к несокрушимой стене, к благонадежному якорю, к безмятежной пристани, – к молитве, посредством которой все трудное для меня делается легким и удобным. Иной опять терпит пренебрежение и презрение от тех, которые прежде угождали ему, оставляется друзьями, и это крайне огорчает и возмущает душу его; но и он, если захочет придти сюда, услышит слова того же блаженного: друзи мои и искреннии мои прямо мне приближишася и сташа, и ближнии мои отдалече мне сташа, и нуждахуся ищущии душу мою, и ищущии злая мне, глаголаху суетная и лъстивным весь день поучахуся (Пс. 37, 12, 13). Видишь ли, враги Давида простирали козни свои до самой смерти и объявили ему непрерывную войну; ибо слова: весь день, означают тоже, что во всю жизнь. Что же делал Давид, когда они строили такие козни против него?

Аз же, говорит он, яко глух не слышах, и яко нем, не отверзаяй уст своих: и бых яко человек не слышай, и не имый во устех своих обличения (Пс. 14, 15). Видишь великую силу любомудрия, как он побеждал врагов противными средствами? Враги строили козни, а он заграждал и слух свой, чтобы вовсе и не слышать; те ни на минуту не переставали и изошрять язык и говорить напраслину и лесть, а он молчанием укрощал их неистовство. Почему же он так вел себя?

Почему в то время, когда враги столько ухитрялись против него, он поступал так, как будто бы был глух и безгласен, не имел ни слуха, ни языка? Послушай, какую он сам представляет причину такого любомудрия своего: яко на тя Господи уповах (ст. 26). Так как я, говорит, на Тебя возложил всю свою надежду, то нисколько не забочусь о том, что делают эти (враги). Ибо Твоя сила может рассеять все, уничтожить все их козни и хитрости, и не попустить замыслам их придти в исполнение.

Видели вы, как можно в Писании получить врачевство, соответственное каждому несчастью, постигающему человеческую природу, отринуть всякую скорбь житейскую и не сокру-

---

⁸ 29 Бес. на кн. Быт.

шаться ни от каких обстоятельств? Посему, прошу вас, чаще приходите сюда, внимательно слушайте чтение Божественного Писания, и не только когда бываете здесь, но и дома берите в руки Священные книги и с усердием извлекайте из них пользу для себя. Ибо великая происходит от них польза: во-первых, от чтения их образуется язык; потом и душа окрыляется и делается возвышенной, будучи озаряема светом Солнца правды, освобождаясь в это время от нечистоты порочных помыслов, и наслаждаясь великим миром и спокойствием. Что телесная пища для поддержания наших сил, тоже и чтение Писания для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильной, твердой и мудрой, не позволяет ей увлекаться неразумными страстями, напротив еще облегчает полет ее и возносить ее, так сказать, на самое небо. Не будем же, прошу, не радеть о такой пользе, но станем и дома заниматься внимательным чтением Божественного Писания, и пришедши сюда (в церковь), не тратить время на пустые и бесполезные разговоры, но для чего пришли, на то и обращать все наше внимание и слушать читаемое, чтобы выйти отсюда с каким-нибудь приобретением.

Беседа 8

О том, чтобы избегать людей порочных⁹

Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха; так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными: и как здоровый глаз, взирая на больного, поражается, и страждущий чесоткой сообщает свою болезнь и здоровым; так точно случается часто и с душой от общения с людьми порочными. Посему и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их: еще же, говорит Он, око твое десное соблазняет тя, изли е и верзи от себе (Мф. 5, 29), разумея в этой заповеди не глаз, – ибо что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? – но друзей, близких к нам и сделавшихся как бы нашими членами, повелевая не дорожить и их дружбой, чтобы безопаснее соделывать собственное спасение. Посему и Пророк говорит; не седох с сонмом суетными, и с законопреступными не вниду (Пс. 25, 4). И Иеремия ублажает того, кто сядет на едине и возмет ярем в юности своей (Иерем. Плач. 3, 27–28). Также и в Притчах много говорится об этом и убедительно внушается всем, что нужно не только уклоняться, но и бежать от людей, советующих злое, и не обращаться с ними. Ибо, если предметы вещественные часто повреждаются у нас от прикосновения к чему-нибудь худому; то не тем ли более существа свободные? Цвет и здоровье тела принадлежит нам от природы, но случается, что и они портятся от постороннего, противного им влияния; также аппетит – от природы, но и он часто теряется у нас от болезненного состояния; и многие другие можно видеть подобные случаи. Если же изменяются естественные отправления, то тем более зависящие от свободного произволения, чем более они способны ко всякой перемене. Посему не будем считать маловажным вредом общение с вредными людьми, но прежде всего другого станем избегать таких людей, хотя бы это были жены, хотя бы друзья, и кто бы то ни было. Оно погубляло и великих мужей, каковы Соломон и Сампсон; оно развратило и целый народ иудейский. Обыкновенно, не столько причиняют вреда дикие звери, сколько порочные люди; те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало помалу ослабляя силу добродетели. Посему и бесстыдный взгляд запрещается Господом: иже, говорит Он, возрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28); так легко и скоро сообщается зло! А ты, когда намереваешься поселиться в городе, то много стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он; когда же дело касается души, то нисколько не стараешься узнать тех, которые имеют войти в общение с нею, но просто и без разбора вверяешь ее всем. Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение, оказывая такое к ней презрение?

Почему, думаешь ты, сделались дивными и славными мужи, обитающие в пустынях? Не потому ли, что они убегают от шума и торжищ и поселились вдали от дыма, поднимающегося среди хлопот житейских? Подражай им и ты, стараясь найти пустыню среди города. А каким образом это возможно? Если ты будешь убегать людей порочных, если будешь следовать добродетельным. Таким образом, ты достигнешь большей безопасности, нежели обитающие в пустынях, не только в удалении от людей вредных, но и в общении с полезными. Ибо, если ты будешь убегать людей порочных и следовать добродетельным, то приобретешь двоякую пользу: и умножишь дела добродетельные, и сократишь дела порочные.

---

⁹ Бес. на 4 Псал.

Беседа 9

О посте в св. Четыредесятницу¹⁰

Общий всех нас Господь, как чадолубивый отец, желая очистить нас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, даровал нам врачевство во святом посте. И так никто не скорби, никто не являйся печальным, но пусть все ликуют, радуются и прославляют Попечителя душ наших, открывшего нам этот прекрасный путь, и с великим удовольствием принимают его наступление! Да постыдятся язычники, да посрамятся иудеи, видя с какой радостной готовностью мы приветствуем его наступление, и да познают на самом опыте, какое различие между нами и ими. Пусть они называют праздниками и торжествами пьянство, всякого рода невоздержание и бесстыдства, которыми обыкновенно сопровождаются их праздники. Церковь Божия да называет праздником совершенно противное тому, – пост, презрение чрева, и следующие за тем всякого рода добродетели.

И точно истинный праздник там, где спасение душ, где мир и согласие, откуда изгнана всякая житейская пышность, где нет ни крика, ни шума, ни беганья поваров, ни заклания животных; но вместо всего этого обитает совершенное спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и бесчисленные блага. Итак, об этом-то празднике побеседуем несколько с вашей любовью; но наперед попросим вас выслушать слова наши с совершенным спокойствием, чтобы вам уйти отсюда домой с каким-нибудь добрым плодом. Мы собираемся сюда, не просто для того только, чтобы один поговорил, а другой только порукоплескал словам его, и с тем все ушли отсюда; но чтобы и мы сказали что-нибудь полезное и потребное к вашему спасению, и вы получили плод и великую пользу от слов наших, и с тем вышли отсюда. Церковь есть духовная лечебница, и все приходящие сюда должны брать здесь приличные врачевства, прилагать их к своим ранам, и потом уже выходить отсюда. А что одно слушание поучений, без исполнения на деле, не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного Павла, который говорит: не слышателие закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся (Рим. 2, 13). И Христос в своей проповеди сказал: не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесех (Мф. 7, 12).

Итак, возлюбленные, зная, что нам не будет никакой пользы от слушания поучений, если не последует за ним исполнение на деле, будем не только слушателями, но и исполнителями, чтобы дела, последующие за словами, доставили нам великое дерзновение. Отверзите же недра души вашей, и примите слово о посте. Готовящиеся принять целомудренную и прекрасную невесту, украшают брачную горницу со всех сторон покрывами, очищают весь дом и не впускают в него ни одной негодной служанки, и потом уже вводят невесту в брачный покой. Таким же образом, делаю я, и вы наперед очистите свою душу и распротитесь с веселостью и невоздержанием, и потом уже с распростертыми объятиями примите мать всех благ и учительницу целомудрия и всякой добродетели, т. е. пост, чтобы и вы получили больше удовольствия, и он доставил вам надлежащее и соответственное врачевство. И врачи, когда намереваются дать лекарство желающим очистить у себя гнилые и испортившиеся соки, приказывают этим людям воздерживаться от обыкновенной пищи, дабы она не помешала лекарству действовать и оказать свою силу: тем более мы, готовясь принять это духовное врачевство, т. е. пользу, происходящую от поста, должны воздержанием очистить свой ум и облегчить душу, дабы она, погрязши в невоздержании, не сделала для нас пост бесполезным и бесплодным.

Знаю, что теперешние слова наши многим кажутся странными; но, прошу вас, не будем безрассудно раболепствовать привычке, а станем располагать собой согласно с разумом. В

---

¹⁰ 1 Бес. на кн. Быт.

самом деле, ужели будет нам какая-либо польза от того, что целый день проведем в объядении и пьянстве? Что говорю: польза? Напротив, великий вред и неисправимое зло. Как скоро ум помрачился от неумеренного употребления вина, то сей час же, в самом начале и на первом шагу, прекращается польза от поста. Что неприятнее, скажи мне, что гнуснее тех людей, которые, пивши вино до полуночи, под утро, при восхождении солнца, испускают такой запах, как будто бы они теперь только нагрузились вином? Они кажутся и неприятными встречающимся, и презренными в глазах рабов, и смешными для всех, сколько-нибудь знающих приличие, а что всего важнее, таким невоздержанием, и безвременной и гибельной неумеренностью навлекают на себя гнев Божий. Ибо пьяницы, сказано, царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 10). Что же может быть жалче этих людей, которые за краткое и гибельное удовольствие извергаются из преддверий царствия? Но дай Бог, чтобы никто из собравшихся здесь не увлекся этой страстью; напротив, чтобы все мы, проведши и настоящий день со всяким любомудрием и целомудрием, и освободившись от бури и волнения, которые обыкновенно производят пьянство, вошли в пристань душ наших, т. е. в пост, и могли в изобилии получить даруемые им блага. Как невоздержность в пище бывает причиной и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так и пост и презрение чрева всегда были для нас причиной несказанных благ. Бог, сотворив в начале человека, и зная, что это врачевство весьма нужно ему для душевного спасения, тотчас же и в самом начале дал первозданному следующую заповедь: от всякого древа, еже в раи, снедию снеси: от древа же еже разумети доброе и лукавое, не снесете от него (Быт. 2, 16–17). А слова: это вкушай, а этого не вкушай, были уже образом поста. Но человек, вместо того, чтобы соблюсти заповедь, преступил ее; он поддался чревоугодию, сделал преслушание, и за то осужден был на смерть. Ибо лукавый демон и враг рода нашего, как увидел, что первозданный провождает в раю безболезненную жизнь, и, облеченный плотью, живет на земле, как Ангел, решился соблазнить и увлечь его к падению обещанием еще больших благ, а таким образом лишил его и того, чем он уже обладал. Вот что значит не оставаться в своих пределах, но искать большего. На это-то указывая, премудрый и сказал: завистию же диаволею смерть вниде в мир (Прем. 2, 24). Видел ли ты, возлюбленный, как смерть и в начале пришла от неумеренности? Посмотри, как и в последствии Божественное Писание постоянно осуждает увеселения, и говорит в одном месте: и седоша людие ясти и пити, и восташа играти (Исх. 32, 6), а в другом: и яде, и насытися, уты, утолсте, расшیره и отвержеся возлюбленный (Втор. 32, 15). И жители Содомы навлекли на себя неумолимый гнев Божий, сверх прочих преступлений, и этим. Ибо вот, что говорит Пророк: сие беззаконие Содомы, яко в сытости хлеба сластолюбствоваша (Иезек. 16, 49). Этот порок, в самом деле, есть как бы источник и корень всего худого.

Видел ты вред от невоздержания? Посмотри теперь на благотворные действия поста? Великий Моисей, проведши сорок дней в посте, удостоился получить скрижали закона; когда же, сошедши с горы, увидел он беззаконие народа, то бросил эти скрижали, полученные с таким усилием, и разбил, почитая несообразным сообщить заповеди Господни народу, пьянствующему и почитающему беззаконно. Потому чудный этот Пророк должен был поститься еще сорок дней, чтобы удостоиться опять получить свыше и принести скрижали, разбитые за его беззаконие (Исх. 24, 32, 34). И великий Илия постился столько же дней, и вот он избег владычества смерти, вознесся на огненной колеснице как бы на небо, а доныне еще не испытал смерти (3 Цар. 19, 8). И муж желаний (Даниил) уже после того, как провел в посте много дней, удостоился чудного видения; он же укротил и ярость львов и превратил ее в кротость овец, не переменив впрочем природы их, но изменив расположение, между тем как зверскость их оставалась таже (Дан. 10, 3). И ниневитяне постом отклонили определение Господне, заставив поститься вместе с людьми и бессловесных животных, и таким образом, отставши все от злых дел, расположили к человеколюбию Владыку вселенной (Ин. 3, 7). Но для чего мне еще обращаться к рабам (можем ведь насчитать множество и других, которые прославились постом и в Ветхом и в Новом завете), когда можно указать на всеобщего нашего Владыку? Ибо и Сам

Господь наш Иисус Христос после уже сорокадневного поста вступил в борьбу с диаволом, и Собой подал всем нам пример, чтобы и мы вооружились постом, и, укрепившись им, вступали в борьбу с диаволом (Мф. 4, 2). Но здесь, может быть, кто-нибудь, человек с острым и живым умом, спросит: почему Владыка постится столько же дней, сколько и рабы, а не больше их? Это сделано не без причины и не без цели, но премудро и по неизреченному Его человеколюбию. Чтобы не подумали, что Он явился на земле призрачно, и не принял на Себя плоти, или не имел природы человеческой, для этого Он постился столько же дней, а не больше, и таким образом заграждает бесстыдные уста охотникам до споров. Ибо, если и теперь, когда уже так было, еще осмеливаются говорить это, то чего бы не осмелились они сказать, когда бы Господь по своему пред-ведению не отнял у них этого повода? Так вот, для чего Он благоволил поститься не больше, но столько же дней, сколько и рабы, чтобы самым делом научить нас, что и Он облечен был такой же плотью и не был чужд нашей природы. Итак, ясно стало нам и из примера рабов, и из примера самого Господа, что велика сила поста и много пользы от него бывает душе. Поэтому прошу любовь вашу, чтобы, зная пользу от поста, вы не лишились ее по нерадению, и при его наступлении не печалились, но радовались и веселились; потому что, как говорит блаженный Павел, еще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется (2 Кор. 4, 16). В самом деле, пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей легкий полет, делает ее способной подниматься на высоту и помышлять о горнем, и поставлять выше удовольствий и приятностей настоящей жизни. Как легкие суда скорее переплывают моря, а обремененные большим грузом затопают; так и пост, делая ум наш более легким, способствует ему быстро переплывать море настоящей жизни, стремиться к небу и к предметам небесным, и не уважать настоящее, но считать ничтожнее тени и сонных грез. Напротив, пьянство и объедение, обременяя ум и утучняя тело, делает душу пленницей и стесняет ее со всех сторон, и не позволяя ей пользоваться здравым суждением ума, заставляет ее носиться по утесам и делать все ко вреду собственного своего спасения. Не будем же, возлюбленные, беспечны в устройении нашего спасения, но зная, сколько зол истекает от невоздержности, постараемся избегать вредных от нее последствий. Увеселения не только воспрещены в Новом завете, где больше уже требуется любомудрия, большие предлагаются подвиги, великие труды, многочисленные награды и неизреченные венцы, но не позволялись и в Ветхом, когда люди еще сидели в тени и при свече, и были вразумляемы понемногу, как дети, питаемые молоком. И чтобы не подумалось вам, будто мы так осуждаем увеселения без причины, послушайте Пророка, который говорит: люте приходящим в день зол, спящим на одрех от костей слоновых и ласкосердствующим на постелях своих, ядущим козлища от паств, и тельцы млеко питаемы от среды стад; плещущим ко гласу пищалей, яко стояща мнеша, а не яко бежаща: пиющим процеженое вино и первыми вонями мажущимся (Амос. 6, 3–6). Видите, как осудил Пророк увеселения, и притом говоря к иудеям, бесчувственным, не признательным, ежедневно предававшимся чревоугодию? И посмотрите на точность выражений: обличив их неумеренность в пище и употреблении вина, он потом присовокупил: яко стояща мнеша, а не яко бежаща, показывая этим, что наслаждение ограничивается только гортанью и устами, а дальше не простирается. Удовольствие кратковременно и непродолжительно, а скорбь от него постоянна и бесконечна. И это, говорит, зная по опыту, они все яко стояща мнеша, т. е. считали постоянным, а не яко бежаща, т. е. улетающим и ни на минуту не останавливающимся. Таково ведь все человеческое и плотское; не успеет появиться, и улетит.

Таково веселие, такова слава и власть человеческая, таково богатство, таково вообще благополучие настоящей жизни; оно не имеет в себе ничего прочного, ничего постоянного, ничего твердого, но убегает скорее речных потоков, и оставляет с пустыми руками и ни с чем тех, которые прилепляются к этим вещам. Но духовное не таково, напротив, прочно и непоколебимо, не подлежит переменам и пребывает вечно.

Как же было бы безрассудно менять непоколебимое на колеблющееся, вечное на временное, постоянно пребывающее на скоро преходящее, доставляющее великую радость в будущем веке на то, что уготовляет нам там великое мучение? Размышляя обо всем этом, возлюбленные, и дорожа своим спасением, презрим бесплодные и гибельные увеселения; возлюбим пост и всякой другой подвиг, покажем великую перемену в жизни и каждый день будем спешить на совершение добрых дел, чтобы в течении всей сорокадневницы, совершив духовную куплю и собрав великое богатство добродетели, нам таким образом удостоиться достигнуть и дня Господня, с дерзновением приступить к страшной и духовной трапезе, с чистой совестью быть причастниками неизреченных и бессмертных благ и исполниться небесной благодати по молитвам и ходатайству благоугодивших Самому Христу, человеколюбивому Богу нашему, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Беседа 10

О том, что покаяние действительно когда кающиеся переменяют образ жизни, и о средствах к уврачеванию язв греховных¹¹

Мы не должны презирать никогда и никого из согрешающих. Равно и согрешая сами не должны предаваться отчаянию, но опять не должны оставаться и в беспечности, напротив сердечно да сокрушаемся о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них. Ибо я знаю многих, которые хотя говорят, что они оплакивают свои грехи, а ничего важного не делают. Правда, они постятся и носят грубые одежды; но в то же время имеют жадность к деньгам гораздо большую, нежели корчемники; предаются сильнейшему гневу, нежели самые звери; более находят удовольствия в злословии, нежели другие в похвале. Это не составляет покаяния; это призрак только и тень покаяния, а не самое покаяние. Посему и сим грешникам прилично сказать: смотрите, да не обидими будем от сатаны; не неразумевает бо умыслений его (2 Кор. 2, 11). Ибо одних он погубляет чрез грехи, других чрез покаяние, и сих еще и другим образом, – когда не дает им воспользоваться плодами покаяния. Когда сатана не находит случая открытого погубить кого, он подходит к нему другим путем, побуждая человека усугубить труды, не давая ему воспользоваться плодами трудов своих, и стараясь уверить его, что он все необходимое уже сделал, и потому может себя освободить от всего другого. Итак, чтобы нам не изнурять себя напрасно трудами, побеседуем несколько о сем с женами, так как женщины преимущественно подвержены сей болезни. Правда, нельзя оуждать того, что и ныне они делают, как-то: постятся, повергаются на землю, посыпают пеплом главы свои. Но все сии дела не принесут никакой пользы, если при них не будет других более важных. Бог показал, как Он прощает грехи. Для чего же вы, оставив указанный путь, пролагаете себе другой? Согрешили некогда ниневитяне и сделали тоже, что и вы теперь делаете.

Но посмотрим, что послужило к их спасению. Ибо, как для излечения больных врачи хотя многие употребляют средства; впрочем, благоразумный смотрит не на то, что принимал больной, а на то, что послужило к его исцелению. На то же и здесь надобно смотреть. Итак, что же спасло тех ниневитян? На душевные язвы свои они возложили строгий пост, одежды из вретнища, посыпали их пеплом, смочили горькими слезами, повергались на землю, и вместе с сим переменили и образ своей жизни. Посмотрим же, какое из перечисленных лекарств уврачевало их.

Но как же мы узнаем сие, скажет кто? Узнаем, ежели, пришедши к Врачу, спросим Его Самого. Без сомнения Он не утаит сего от нас; напротив, со всей готовностью откроет сие. Скажу прямо, Врач оный в книге записал сие врачевство, исцелившее ниневитян, чтобы всякий знал оное и после не имел нужды спрашивать о нем. Какое же именно? Виде, говорит Пророк, виде Бог, яко обратишася от путей своих лукавых: и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им (Ин. 3, 10). Не сказал: видел Бог пост ниневитян, вретнища и пепел. Я говорю сие не с тем, чтобы отвергать пост, да не будет, – но чтобы убедить вас делать то, что лучше поста, – воздерживаться от всякого зла. Согрешил также и Давид, но посмотрим, как и он каялся? Три дня он сидел во прахе.

Впрочем, он сделал сие не для заглаждения греха своего, но моляся о больном детище, не истрезвившись еще от упоения страстью. Грех же свой очистил он иначе, именно самоуничтожением, сокрушением сердечным, скорбью душевной, строгим воздержанием от подобных

---

¹¹ 4 Бес. на 2 посл. к Коринф.

грехов, непрестанным памятованием сделанного греха, благодушным перенесением всех скорбей, пощадой своих недоброжелателей, наконец, тем, что не только сам не мстил врагам, поносившим его: но не позволял мстить и другим за него, когда они хотели сего. Так когда Семей осыпал его бесчисленными проклятиями, и когда военачальник, находившийся при Давиде вознегодовал на сие, тогда Давид сказал: оставите его проклинати мя; яко Господь рече ему проклинати Давида (2 Цар. 16, 10). Видишь ли здесь сокрушенное и смиренное сердце Давида? Сие-то особенно очищало грехи его. Ибо в сем состоит исповедание, это есть покаяние. напротив, если постимся только на показ; то от сего не только не получим никакой пользы, но еще потерпим вред. Итак, смири сердце твое и ты, чтобы умилиستивить к себе Бога. Ибо близ Господь сокрушенных сердцем (Пс. 33, 19).

Видишь, как жившие в светлых чертогах переносили бесчестие, как они, поносимые и от последних из рабов своих, не прекословили, но равнодушно терпели поношения за бесчестие, которым покрыл их грех. Так поступай и ты. Если поносит тебя кто, – не ожесточайся, но плачь и стенай, не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя таковому бесчестию. Когда согрешишь, плачь и стенай не о том, что будешь наказан, ибо это ничего не значит; но о том, что ты оскорбил своего Владыку, Который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоём спасении, что и Сына Своего предал за тебя. Вот о чем ты должен плакать и стенать, и плакать непрестанно. Ибо в сем состоит исповедание. Не будь же ныне весел, завтра печален, потом опять весел. Напротив непрестанно плачь и сокрушайся.

Ибо, блажени, говорит Господь, плачущии (Мф. 5, 4), – т. е. те, которые непрестанно сие делают. Непрестанно и ты делай сие, всегда внимай себе и сокрушай сердце твое, как бы кто сокрушался и скорбел о потере любимейшего сына своего. Расторгните, говорит Господь, сердца ваша, а не ризы ваша (Ил. 2, 13). А расторгнутое не воздымается уже, сокрушенное не восстанет более. Посему и говорит Писание в одном месте, расторгните: а в другом, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19). Итак, мудрец ли ты, или богатый, или сильный, расторгни сердце твое, т. е. не попускай, чтобы оно высокоумствовало и надмевалось; ибо расторгнутое не надувается, хотя бы и было чем надуваемо; ибо не может вынести сего надувания, потому что расторгнуто. Подобно сему и ты смири свое сердце.

Помысли, что мытарь за одно слово был оправдан.

Правда, что говорил он, то было не столько смирение, сколько истинное признание. Впрочем ежели и истинное признание имеет такую силу, то тем паче смиренномудрие. Прости обиды тем, кои погрешили против тебя. Ибо и за сие также обещано прощение грехов. О сетовании и скорби о грехах своих сказано: пойде дряхл: пути его видех и исцелих его (Ис. 37, 17–18). Сие же самое прекратило гнев Божий на Ахаава (3 Цар. 21, 29). Подобное сказано и о прощении обид: отпускайте, и отпустят вам (Лк. 6, 37). Есть еще и другой способ, которым обретается сие врачевство. Это – осуждение себя в своих беззакониях: глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися (Ис. 43, 26). Также благодарное чувство, с которым переносим скорби, заглаживает грехи наши, более же всего милостыня. Перечти же, сколько целительных средств для врачевания твоих язв, прикладывая все их одно за другим непрестанно: самоуничтожение, исповедание, непамятозлобие, благодарение за посылаемые на тебя скорби, вспомоществование бедным деньгами и вещами, наконец, непрестанную молитву. Неотступным молением упоминаемая в Евангелии вдова умилиствовала жестокого и немилосердного судию (Лк. 18, 5). Ежели вдова сия умилиствовала неправосудного судию: то не тем ли легче тебе умилиствовать судию кроткого и милосердного? Кроме сих способов к очищению грехов есть еще и другой, – заступление обидимых.

Ибо Сам Господь говорит: судите сиру, и оправдате вдовицу и приидите, и истяжимся: и аще будут грехи ваши яко багренье, яко снег убелю (Ис. 1, 17–18).

Итак, будем ли мы достойны какого-либо извинения, когда имея столько путей, возводящих на небо, и столько средств для уврачевания язв душевных, полученных после крещения, остаемся в сих язвах?

Не будем же закосневать в них. И те, которые еще не пали, да стараются сохранить невре-димо красоту свою, и еще более да приумножают оную. Ибо хотя они и теперь непорочны; но упомянутые добродетели еще более украсят их. Что же касается нас, которые много уже нагрели, то потщимся воспользоваться предложенными средствами к очищению грехов наших, дабы нам предстать судищу Христову с дерзновением многим, которое желаю получить всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому духу слава, держава, честь, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Беседа 11

О приобщении Святых Таин, о том, что недостойно приобщающиеся и преподающие недостойным будут наказаны¹²

Сколь многие говорят: желал бы я видеть лице Христа, образ, одежду, сапоги? Вот ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его; а Он дает тебе не только видеть Себя, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать (к св. Тайнам) с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенной любовью, все с горячим усердием и бодростью. Ибо если иудеи ели агнца с готовностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках; то гораздо более тебе должно бодрствовать. Ибо они готовились идти в Палестину, посему и имели вид путешественников; а ты готовишься идти на небо.

Посему должно всегда бодрствовать. Ибо немалое предлежит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, сколь много ты негодуешь на предателя, и на тех, кои распяли Христа. Итак, берегись, чтобы и тебе не сделаться виновным против тела и крови Христовой. Они умертвили всесвятое тело; а ты принимаешь оное нечистой душой после толиких благодеяний. Ибо не довольно было для Него того, что Он соделался человеком, был заушен и умерщвлен; но Он еще сообщает себя нам, и не только верой, но и самым делом соделывает нас Своим телом.

Сколь же чист должен быть тот, кто наслаждается сей жертвой? Сколь чище всех лучей солнечных должны быть рука, раздробляющая сию плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обгаряемый страшной Кровью? Помысли, какой чести ты удостоен? Какой наслаждаешься трапезой? На что с трепетом взирают Ангелы, и не смеют воззреть без страха, по причине сияния отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одной плотью со Христом. Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его (Пс. 105, 2)? Какой пастырь питает овец собственными членами? Но что я говорю, пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел сего. Он питает нас собственной кровью; и чрез сие соединяет нас с Собой. Размысли потом, что Он родился от нашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Ибо если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем; а если ко всем, то и к каждому порознь. Почему же ты скажешь, не все получили от сего пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить сие дело для всех, но от тех, которые не восхотели. Ибо с каждым верующим Он соединяется посредством Таин, и Сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому; и сим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какой готовностью младенцы берут сосцы?

С каким стремлением прижимают к ним уста свои?

С таким же расположением и мы должны приступать к сей трапезе и к сосцу духовной чаши; или лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа: одна только у нас должна быть скорбь та, что мы не приобщились сей пищи. Действия сего таинства совершаются не человеческой силой. Тот, Кто совершил сии действия на оной вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место служителей, а освящает и претворяет дары Сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного

---

¹² 82 Бес. на Еванг. Мф.

сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть такой удалится; трапеза не допускает тех, кои не из числа учеников. Ибо со ученики Моими, говорит Христос, сотворю Пасху (Мф. 25, 18). Сия трапеза есть та же самая, которую предложил Христос, и ничем не мене той. Нельзя сказать, что ту устрояет Христос, а сию человек, но ту и другую Сам Христос. Сие место есть та самая горница, где Он был с учениками. Отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы на то место, где простерты руки нищих; ибо сие место есть гора Елеонская. Поелику нищие суть маслины, насажденные в доме Божиим, источающие елей, полезный для нас в сем месте, который имели пять дев, и которого не взявши другие пять погибли. Взявши сей елей войдем, дабы нам с горящими светильниками сретить Жениха.

Взявши сей елей выйдем отсюда. Не должен приступать сюда ни один бесчеловечный, ни один жестокий и немилосердый, ни один нечестивый.

Это говорю вам, которые приобщаетесь, и вам, которые служите. Ибо нужно побеседовать и с вами, чтобы вы со многим тщанием разделяли сии дары. Немалое наказание ожидает вас, если вы, признавши кого-либо нечестивым, позволите причаститься сей трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы начальник, хотя бы сам украшенный диадимой, но если приступает недостойно, то запрети ему; ты имеешь больше власти, нежели он. Если бы тебе поручено было сохранять в чистоте источник воды для стада, и ты увидел овцу, имеющую на устах много грязи, то не попустил бы ей наклониться и возмутить источник. Но теперь вручен тебе источник не воды, а Крови и Духа, и ты видя некоторых имеющих грех, который то же грязи, и приступающих к сему источнику, не негодуешь, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощение? Для того Бог удостоил вас сей чести, чтобы вы рассматривали таковые дела. В этом состоит ваше достоинство, ваша важность, ваш венец, а не в том, чтобы вы облекались в белую и блистательную одежду. Но как, скажешь, я могу знать того или другого? Я говорю не о неизвестных, но о известных людях. Скажу нечто более страшное: не столь опасно приступать к сему таинству беснуемым, сколько тем, которые, как говорит Павел, попирают Христа. Кровь завета не почитают за святыню, и ругаются над благодатью Духа (Евр. 10, 29). Ибо приступающий во грехах хуже беснуемого. Беснуемые не наказываются потому, что они беснуются: а приступающие недостойно предаются вечному мучению. Итак, будем удалять не только беснуемых, но и всех, которых увидели бы недостойно приступающих. Никто не должен приобщаться, если он не из числа учеников Христовых. Никто не должен принимать дары, подобно Иуде, дабы не потерпеть участь Иуды. Сие собрание верующих есть также тело Христово. Посему ты, служитель Таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать сие тело – чтобы не дать меча вместо пищи. Но хотя бы кто и по неразумию пришел для причащения, воспрети ему, не убойся. Убойся Бога, а не человека. Если убоишься человека, то от Бога будешь уничижен; а если убоишься Бога, то и от людей будешь почитаем. Если ты сам не смеешь, то приведи ко мне, я не позволю сию дерзость. скорее предал душу свою, нежели причащу Крови Господней недостойного, скорее пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной Крови того, кого не должно. Если же кто после многих испытаний не найдет недостойного, то не будет виновен. Ибо это сказано мной о известных людях. если мы исправим сих, то Бог скоро соделает неизвестных нам известными. Если же мы оставим без внимания известным нам, то для чего Ему делать других нам известными? Сие говорю я не для того, чтобы мы только удаляли и отсекали, но для того, чтобы исправивши возвращали и имели попечение о всех. Таким образом, мы и Бога умилостивим, и найдем много достойных причастников; и получим за оное старание и попечение о других великую награду, которой до сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 12

О зрелищах¹³

Наслаждающемуся слушанием Св. Писания не должно приобщаться трапезы бесовской. Ибо кое общение правде к беззаконию? Ты стоял здесь, слушая и внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище... Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такой грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Все там – смех, все – стыд; там ругательство, насмешки, выходки; все – разврат, все пагуба. Вот я наперед об этом говорю и объявляю всем вам. Никто из наслаждающихся здешней трапезой да не растлевает души своей теми пагубными зрелищами. Все, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившиеся таинства (крещения), какие между нами положены обеты, или лучше сказать, в какой завет вы вступили со Христом, когда Он сподоблял вас своих таинств? Что вы пред Ним говорили? Что вы сказали ему о гордыне сатанинской? Как вы, с отречением от сатаны и ангелов его, отреклись и от всей гордыни его, и обещали более уже не уклоняться к ней? Итак, немало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великих обетов, и не делать себя недостойным таких таинств. Не видишь ли, как при царском дворе призываются к участию в совете царском и включаются в число друзей царевых только люди, ни в чем не преткнувшиеся и достоуважаемые?

К нам пришел посланник с неба, посланный от самого Бога для того, чтобы сказать нам о некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать, и для чего уполномочен к нам, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов! Но как не должно приобщаться трапезе бесовской, так не должно принимать участия в слушании бесовском, в нечистой одежде приходить к светлой трапезе, обильной столь многими благами, – трапезе, которую уготовал Сам Бог. Такова ее сила, что она вдруг может вознести на самое небо, если только мы будем внимать с чистым сердцем. Итак, неприлично тому, кто часто оглашается божественными словами, оставаться в настоящем низком состоянии, но необходимо тотчас воспарить, взлететь в самую горную страну, и насладиться сокровищами бесчисленных благ, которые да сподобимся получить все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцем и со Святым Духом, слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

¹³ 1 Бес. на Еванг. Иоан. Бог.

Беседа 13

О том, чтобы заботиться о душе, а не об одном теле, и чтобы пещись о целомудрии юношей¹⁴

Мы много заботимся о теле, а о душе нисколько; и поступаем подобно человеку, который видя, что дом его обветшал, и стены готовы разрушиться, вместо того, чтобы поддержать их, обносит кругом его большую ограду: или, подобно тому, кто не заботясь о исцелении своего больного тела, готовит для него дорогие одежды: или, во время болезни госпожи, заботится о рабынях, о их занятии, о сосудах и о прочих домашних принадлежностях, оставив ее страдать и плакать. Подобно сему и мы поступаем. Тогда как душа наша страдает от жестокой болезни, предается гневу, злословию, безрассудным желаниям, тщеславию, возмущению, прилеплена к земле и терзается столь многими зверями, мы не заботясь о избавлении ее от страстей, печемся о доме и о рабах. Если откуда тайно убежит медведица, то мы запираем дома, прячемся, чтобы не встретиться с нею; а теперь несмотря на то, что не один зверь, но многие, т. е. нечистые помыслы терзают душу нашу, мы даже и не чувствуем сего. Живя в городе мы весьма строго смотрим за зверями, заключаем их в местах безлюдных и в пещерах, и держим их на цепи не на городской площади, или около судилища и царских чертогов, но где-нибудь в отдалении. А в душу – сие место совета, сии царские чертоги, сие судилище вторгаются звери и производят крик и шум около самого ума и престола царского. От сего-то все приходит в беспорядок, повсюду возмущение, и внутри и вне нас, так что мы ничем не различаемся от города, который привели в возмущение нашедшие на него варвары: и с нами бывает то же, что с птичками, когда змей займет гнездо их. Издавая жалобный глас, они всюду летают в страхе и смятении, не зная как освободиться от опасности.

Посему умоляю вас, истребим змия, заключим зверей, умертвим их и отсечем лукавые помыслы мечем духовным, дабы и нам не угрожал Пророк тем же, чем угрожал земле Иудейской: онокентавры тамо вселятся, и ежеве и змии (Ис. 13, 22). Ибо есть люди хуже онокентавров. Они необузданы, как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши; поелику, предавшись свирепым страстям, скачут и прыгают, необузданно носясь всюду, и нимало не заботясь о должном. Но всему причиной их отцы, которые... на детей своих долгое время смотрят равнодушно, когда они живут необузданно, не имея целомудрия, бесчестят себя, предаваясь любодеянию, играм, посещая бесчестные зрелища, тогда как для предупреждения любодеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женой целомудренной и мудрой; она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его. Ибо блуд и прелюбодеяние от того и происходит, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести. Но ты скажешь, он еще молод; и я знаю это. Но если Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество, и до сего времени хранил девство (Быт. 25, 20): то тем паче в благодатном состоянии юноши должны иметь сие целомудрие. Но что мне делать? Вы не только не хотите пещись о их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака. А у вас бывает противное.

Когда дети ваши уже осквернят себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно ожидать того времени, когда сын сделается знаменит и прославит себя делами политическими, а о душе нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ее падение; от того-то у нас во всем такое смешение, расстрой-

---

¹⁴ 59 Бес. на Еван. Мф.

ство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым, и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда? Поелику нет ничего драгоценнее души: кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает душу же свою отщетит (Мф. 16, 26)? Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все, и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. И потому мы не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а сии своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем оным сами. Отсюда-то происходит безумие, от сего люди свободные делаются хуже рабов: ибо мы рабов, если не для них, то по крайней мере для себя, наказываем, но способные не пользуются и сим попечением, но по нашему мнению хуже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, тот всячески старается найти лучшего конюха, который был бы честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну; то мы просто без всякого выбора принимаем кого случится, хотя нет ничего важнее сей должности. Ибо какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек, знающий сие искусство, должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы о сем нимало не стараемся, а обращаем внимание только на то, чтобы он выучился говорить. И о сем заботимся только для богатства. Ибо он учится не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что, если бы и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться о сем. Видишь ли, какую силу имеет над нами страсть к деньгам? Как она все покорила под власть свою, и связала нас как невольников и скотов, и влечет куда хочет? Но что нам пользы от таких обличений? Мы вооружаемся против сей страсти словами, а она побеждает нас делами. Впрочем, мы не перестанем поражать ее словами уст наших, и если от сего будет какая польза, то она будет простираться и на нас, и на вас. Если же вы не оставите прежних пороков, по крайней мере мы со своей стороны сделали все. Бог и вас да освободит от сей болезни, и нам да подаст случай приобрести похвалу чрез вас: Ему слава и держава во веки веков.

Аминь.

Беседа 14

О кротости и дерзости и о прочих добродетелях и пороках¹⁵

Великое нужно нам тщание, чтобы знать, в чем состоит кротость и в чем дерзновение; тщание необходимо потому, что с этими добродетелями смешиваются пороки, с дерзновением – дерзость, с кротостью – малодушие. Каждому должно смотреть, чтобы предаваясь пороку, не приписывать себе добродетели... Итак, что такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбленными, не защищаем их, а молчим, это – малодушие; когда же сами, получая оскорбления, терпим, это – кротость.

Что такое дерзновение? Опять то же самое, т. е. когда мы ратоборствуем за других. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самих себя. Таким образом, великодушие и дерзновение на одной стороне, а дерзость и малодушие на другой. Кто не щадит себя, тот едва ли будет сожалеть о других; и кто не мстит за себя, тот едва ли оставить без защиты других. Ибо когда душа наша свободна от страсти, то она способна и к добродетели. Как тело, освободившись от горячки, укрепляется в силах, так и душа, если не предана страстям, делается сильною. Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно силы (душевной), чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто называет такое расположение к ближним даже мужеством; ибо кто был столько силен, что преодолел и другую; т. е. здесь две страсти: страх и гнев; если ты победишь гнев, то без сомнения преодолеешь и страх; гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество. Наоборот, если не победишь гнева, то окажешься дерзким; а не победив его, не будешь в состоянии преодолеть и страх, и, следовательно, окажешься малодушным, и будет с тобой тоже, что, например, с телом, которое так бессильно и расслабленно, что не может вынести никакого труда: оно скоро изнуруется и от холода и от жара; таково свойство тела расслабленного, а крепкое выдерживает все. Еще с великодушием, которое есть добродетель, смешивается расточительность; также бережливость есть добродетель, но и с ней смешиваются корыстолюбие и скупость. Сравним их между собой. Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому, что кто предан тысячи страстей, тот может ли быть велик душой? Он таков не от того, что презирает деньги, но от того, что покоряется другим страстям, подобно как человек принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими; ибо если бы можно было и удержать их и предаваться удовольствиям, то он, конечно, сделал бы это. Кто употребляет деньги, на что следует, тот великодушен; поистине велика душа та, которая и не раблепствует страсти и почитает деньги за ничто.

Также бережливость есть добродетель; эта добродетель свойственна тому, кто употребляет деньги, на что следует, а не просто без разбора. Скупость же – не добродетель. Тот (бережливый) издерживает все на нужное; а этот (скупой) и при самой настоящей нужде не касается своего имущества. Бережливый – брат великодушного. Таким образом поставим вместе великодушного с бережливым, а расточительного со скупым; ибо последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрассудно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым – не бережливого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфиру и виссон? Но он не был великодушен;

---

¹⁵ 48 Бес. на Деян.

потому, что душа его была одержима жестокостью и тысячами вожделений; а такая душа может ли быть великой? Великодушен был Авраам, который на принятие странников употреблял все свое имущество, закалал тельцев и, когда нужно было, не щадил не только имущества, но и самой души своей.

Итак, если мы видим, что кто-нибудь prepares роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным. Ибо, смотри, скольким сам он служит и раболепствует страстям, чревоугодию, безмерному сластолюбию, самоугодию; а кто одержим столь многими страстями и не может освободиться ни от одной из них, того можно ли назвать великодушным? Следовательно, тогда в особенности и надобно назвать его малодушным, когда он много тратит; ибо чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей; если бы они не столько имели над ним силы, то он столько бы и тратил. Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезой не роскошной, того мы должны назвать великодушным; ибо поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о других.

Скажи мне: если бы ты увидел кого-нибудь, кто бы, презирая всех тиранов и вменяя ни во что их повеления, облегчал страдания притесняемых ими, не признал ли бы ты это делом великим? Так точно мы должны рассуждать и здесь. Страсти суть тираны. Если мы будем презирать их, то сделаемся великими; если будем освобождать от них и других, то – еще более великими. Это справедливо. Ибо кто делает добро не себе только, но и другим, тот выше не делающих ни того, ни другого. Если бы кто, из угождения тирану, одного из подчиненных его стал бить, другого притеснять, третьего оскорблять, неужели мы назовем его великодушным? Отнюдь нет, и тем менее, чем он был бы важнее. Так точно и здесь. У нас есть душа благородная и свободная; расточительный предает ее на биение страстям; назовем ли же великодушным того, кто терзает самого себя? Отнюдь нет. И так будем помнить, что такое великодушие и расточительность, что бережливость и скупость, что кротость и малодушие, что дерзновение и дерзость, дабы, различая их друг от друга, мы могли благоугодно Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.

Беседа 15

О смиренномудрии¹⁶

Ничто не может так обуздывать и воздерживать нас, как смиренномудрие, когда т. е. мы бываем скромны, смиренны и никогда нисколько не мечтаем о себе. Ведая сие, и Христос, когда приступал к преподаванию духовного того учения, начал с увещания к смиренномудрию, и, отверзши уста, наперед постановил этот закон сими словами: блажени нищии духом (Мф. 5, 3). Кто намеревается строить большой и великолепный дом, тот полагает и основание соответственное, чтобы оно могло выдержать тяжесть, которая в последствии будет лежать на нем: так и Христос, начиная возводить в душах учеников великое здание любомудрия наперед полагает увещание к смиренномудрию, как твердое и непоколебимое основание, – первую и нижнюю часть здания, зная, что когда эта добродетель вкоренится в сердцах слушателей, то и все прочие добродетели могут уже безопасно назидаться. Следовательно, когда нет в человеке этой добродетели, тогда он напрасно, попусту и без пользы будет трудиться, хотя и совершит все прочие добродетели. Как человек, построивший дом на песке, хоть и подъял труд, но не получил пользы, потому что не положил надежного основания: так, сколько бы кто ни сделал добра, без смиренномудрия, погубит и испортит все. А смиренномудрие разумею не то, что на словах и на языке, а то, что в сердце, от души, в совести, – что видеть может один Бог. Эта добродетель, одна и сама по себе, достаточна к умилоствлению Бога, что и доказал мытарь. Не имея ничего доброго и не могши похвалиться хорошими делами, он сказал только: буди милостив мне грешнику (Лк. 18, 12), и вышел праведнее фарисея; между тем это были слова еще не смиренномудрия, но искреннего сознания. Смиренномудрие состоит в том, когда человек, признавая в себе великие совершенства, нисколько не мечтает о себе: а сознание – в том, когда человек, будучи грешником, сам исповедует это. Если же не сознавший в себе ничего доброго, исповедав то, чем он был, так преклонил Бога на милость: то каким дерзновением будут пользоваться те, которые могли бы указать на множество своих добродетелей, скрывают, однако ж, все оные, и ставят себя в числе последних? Так сделал и Павел: будучи первым из всех праведников, он называл себя первым из грешников (1 Тим. 1, 15); и не только называл себя так, но и был убежден в этом, узнав от Учителя, что и сделавши все (повеленное), мы должны называть себя рабами, ничего нестоющими (Лк. 17, 10).

Вот в чем состоит смиренномудрие! Подражайте Павлу вы, у которых есть добрые дела; а мытарю вы, которые обременены грехами. Будем признавать себя такими, каковы мы на деле; будем ударять в грудь и заставлять душу свою нисколько не мечтать о себе. Если мы будем в таком расположении, то оно послужит у нас достаточным приношением и жертвой, как и Давид сказал: жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19). Не сказал только: смиренно, но еще и: сокрушенно; а сокрушенное переломлено, и уже не может, хоть и захочет, подняться вверх.

Так и мы, не только смирим нашу душу, но и сокрушим; а она сокрушается, когда постоянно помнит о своих грехах. Когда так смирим ее, она, если и захочет, не будет в состоянии подняться до гордости, потому что совесть, подобно узде, будет удерживать ее от надмения, будет укрощать и умерять во всем. Таким образом возможем мы обрести и благодать у Бога: елико, сказано, велик еси, толико смирайся, и пред Господом обрящеши благодать (Сир. 3, 18). А кто обрел благодать у Бога, тот не почувствует никакой неприятности, но может и здесь, с Божией благодатью, легко перенести все несчастья и избежать уготованных там грешникам наказаний, потому что благодать Божия будет ему везде предшествовать и во всем содейство-

---

¹⁶ 31 Бес. Христ. Чт. 1849 г. 5 Бес. о перем. имен.

вать к добру. Ее да удостоимся получить все мы, о Христе Иисусе Господе нашем, чрез Которого и с Которым, Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

Беседа 16

О том, что невозможно работать Богу и мамоне¹⁷

Ничто не приводит в такое помешательство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; ибо от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах.

Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих. Не можете, сказано, Богу работать и мамоне (Лк. 16, 13). Последуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И об этом гласит самый опыт. Те, которые посмеваются над страстью к богатству, те-то наиболее и любят Бога, как должно. Напротив те, которые высоко ценят богатство, как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Ибо душа, быв однажды пленена любостыжанием, уже нелегко и неудобно может удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабой другого господина, и при том такого, который повелевает ей все, противное Богу. Итак, вотрезвитесь и пробудитесь и, размыслив о том какого господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали мамоне; свергнем однажды навсегда ее тяжелое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христова, легкое и отрадное; ибо Христос не повелевает ничего такого, что внушает мамона. Она повелевает быть врагами всем; а Христос напротив – всех ласкать и любить. Она, привязав нас к праху и пыли (таково – золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно;

а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собирать сокровища на небесах, – не неправдой в отношении к другим, а собственной правдой. Мамона после стольких трудов и скорбей не может даже остаться с нами, когда мы там будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений; она даже увеличит для нас пламя; а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великой щедростью. Итак, не крайне ли безрассудно пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество, и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здесь, ни там не может никакой пользы принести последующим и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что он не может избавить преданных казни: а и то еще, что он, как я сказал, подвергает бесчисленному множеству зол людей, покоряющихся ему. Ибо весьма многие из тех, которые там будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не вспомоществовали нуждающимся. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем расточать (сокровища) бедным; освободим свою душу и от здешних зловредных попечений и от будущих, за то уготованных, мучений. Приготовим себе оправдание на небесах; вместо стяжаний земных соберем сокровища не истощаемые, сокровища, которые могут сопутствовать нам на небо, могут защитить нас в опасности и умиловить того Судью. Да будет же ко всем нам Его благоволение и ныне и в тот день, и да насладимся с великим дерзновением благ, какие уготованы на небесах любящим Его, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым отцу, вместе со Святым Духом слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

¹⁷ 8 Бес. на Еванг. Иоан. Бог.

Беседа 17

О любви ближних¹⁸

Нет блага, которое не происходило бы от любви. Будем же укреплять любовь друг к другу; ибо исполнение закона любви есть (Рим. 13, 10). Не нужно нам ни трудов, ни подвигов, если мы любим друг друга; это – путь, который сам собой ведет к добродетели. Как на большой дороге, кто найдет ее начало, тот идет по ней, не нуждаясь в проводнике; так и в любви улови только ее начало, и тогда она поведет и направит тебя. Любы, говорит апостол, долготерпит, милосердствует, не мыслит зла (1 Кор. 13, 4). Пусть каждый размыслит с самим собой, как он поступает в отношении к самому себе; так же пусть поступает и в отношении к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать все в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим; то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостыжания. Кто станет отнимать у себя самого? Никто, а скорее, совершенно напротив. Итак, будем иметь все общим. Если мы будем делать это, злопамятство не будет иметь места.

Кто станет злопамятствовать против себя самого? Кто станет гневаться на себя самого? Напротив не прощаем ли мы себе все? Если таким же образом мы будем расположены и к ближним, то злопамятства никогда не будет. Но возможно ли, скажешь, любить ближнего, как себя самого? Если бы этого не исполняли другие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас не бывает этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного; они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в царство? Никто. Но Павел решился на это за врагов, бросавших на него камнями и бичевавших его. Какое же мы будем иметь оправдание, какое извинение, если мы друзьям не оказываем и малейшей части той любви, какую Павел оказывал врагам? И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглаженным из книги Божией (Исх. 32, 32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорил: аз есмь пастырь согрешивый, а сии что сотвориша (2 Цар. 24, 17); и, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в Ветхом завете, то можем ли получить прощение мы, живущие в новом, и не достигшие даже той меры любви, какой достигли они?

Если мы не войдем в Царство Небесное, еще не избудет правда наша паче книжник и фарисей (Мф. 5, 20); то как мы войдем в него, если будем иметь меньше их? Любите, говорит Господь, враги ваша, и будете подобными Отцу вашему, который на небесах (Мф. 5, 44, 48). Люби же врага; не ему ты чрез это благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Тот, если будет любим тобой, получит от того небольшую пользу, – он будет любим подобным себе рабом; а ты, если будешь любить подобного себе раба, то получишь великую пользу, – ты сделаешься подобным Богу. Видишь ли, что не ему ты благодетельствуешь, а самому себе? Награда не ему; а тебе. Но что, скажешь, если он зол? Тем большая готовится тебе награда; и за самую злость его ты должен быть благодарным, если он, несмотря на множество благодеяний, остается злым; ибо если бы он не был весьма злым, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом, самая причина не-любви, возражение твое, что он зол, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая

---

¹⁸ 19 Бес. на Пос. к Евр.

к получению венцов. Не видишь ли, как борцы наполняют мешки песком и таким образом упражняются? А тебе нет нужды прибегать к этому; жизнь исполнена людей, которые могут упражнять тебя и делать крепким. Не видишь ли, как деревья, чем более колеблются ветрами, тем делаются крепче и плотнее? Будем же и мы долготерпеливы, и сделаемся крепкими; долготерпелив муж, говорит Премудрый, мног в разуме: малодушный же крепко безумен (Притч. 14, 29). Видишь ли, какая похвала первому, и какая укоризна последнему? Крепко безумен, т. е. совершенно. Посему не будем малодушными в отношении друг к другу. Не от вражды это происходит, а от слабости души; если же она будет крепкой, то будет легко переносить все, не потонет ни от чего и войдет в тихую пристань, которой да сподобимся достигнуть все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 18

О милостыне¹⁹

Апостол Павел в послании к Коринфянам намереваясь излагать учение нравственное переходит к главнейшему из благ, именно говорит о милостыне: о милостыни же яже ко святым, якоже устроишь церквам галатийским, тако и вы сотворяйте: по единой от суббот (т. е. день воскресный), кийждо вас да полагает у себе сохраняя, еже аще что благопоспешится (1 Кор. 16, 1–2). Не сказал: пусть приносят в церковь, дабы им не стыдно было приносить малое; но пусть, сберегая мало помалу, увеличивает приношение, и потом покажет его, когда я приду; а до того времени, говорит, отлагай у себя и дом свой делай церковью, ковчегом, сокровищницей; будь стражем священного имущества, самопоставленным домостроителем бедных; человеколюбие дает тебе это священное право. Знаком этого остается и донныне сосудохранительница. Но знак остается, а дела нет. Знаю, что многие из присутствующих опять будут укорять нас и, слыша слова наши, говорить: не будь, просим тебя, тяжел и обременителен для слушателей; предоставь это их произволу, отдай на их волю; ты так стыдишь нас и заставляешь краснеть! Но я не перестану говорить об этом; ибо и Павел не стыдился непрестанно повторять это и настаивать, подобно просящим милостыни. Если бы я говорил: отдай мне и принеси в мой дом, то, может быть, слова мои были бы постыжны; прочем и тогда нет; ибо служащий олтарю, говорит Апостол, со олтарем делится (1 Кор. 9, 13).

Но, может быть, кто будет укорять меня, что я говорю о самом себе. Нет, я теперь предлагаю просьбу о нуждающихся, или лучше, не о нуждающихся, а о вас подающих; потому и говорю смело. Ибо что за стыд сказать: подай Господу алчущему, одень Его, ходящего нагим, прими Его, странника? Владыка твой пред целой вселенной не стыдится говорить: взалкался и не дасте ми ясти (Мф. 25, 42), тогда как Он ни в чем не имеет недостатка и никакой нужды, и я ли буду стыдиться и сомневаться? нет, такой стыд от диавольских козней. Посему я не стыжусь, но смело говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, нежели сами нуждающиеся. Если бы кто мог доказать и обличить, что, говоря это, мы привлекаем вас к самим себе, и под предлогом бедных, имеем в виду собственную пользу; то это было бы достойно не только стыда, но и тысячи громов, и тем, которые делают это, не следовало бы жить; если же, по милости Божией, мы о себе нисколько не заботимся, но предлагаем вам благовестие безвозмездно, трудясь, хотя не так, как и Павел, однако же довольствуясь своим, то я со всем дерзновением говорю: подавайте нуждающимся, и не перестану говорить это, а не-подающих буду осуждать строго. Если бы я был военачальником и имел у себя воинов, то конечно, не стыдился бы заботиться о доставлении пищи своим воинам; так же много я пекусь и о вашем спасении.

Но дабы слова мои были действительнее и сильнее, то, став под руководство Павла, буду говорить вам вместе с ним: кийждо вас да полагает у себе сохраняя, еже аще что благопоспешится... Устроим в своем доме ковчежец для бедных, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву, и всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню, и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умывши рук, также не начинай ее и без милостыни. положить милостыню не меньше значит, как повесить Евангелие близ своей кровати; ибо если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы, а устроив такой ковчежец, ты имеешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем царское брашно. Пусть стоит этот кочежец у твоей кровати, и ночь твоя будет без мечтаний; только не полагай в него ничего

---

¹⁹ 43 Бес. на 1 пос. к Коринф.

от неправедных стяжаний; дело твое есть милостыня, а милостыня не может происходить от жестокосердия.

Хотите ли, я кажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, дабы таким образом сделать их легкими? Ремесленник, например, сапожник, кожевник, медник или какой-нибудь иной художник, продав что-нибудь из произведений своего искусства, пусть приносит начаток цены Богу, пусть отлагает некоторую часть в тот ковчежец и этой малой частью поделится с Богом; не большего требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие неба. Впрочем, не поставляю этого законом, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менее десятой части. То же самое делайте не только при продаже, но и при покупке. То же правило пусть соблюдают и владельцы полей, при собирании с них доходов; то же и все, приобретающие праведно; не говорю о ростовщиках, равно и воинах, которые притесняют других и обогащаются от чужих несчастий, а говорю о людях, собирающих имущество трудами праведными. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; сами испытаем, что это дело не трудное, перейдем мало помалу к высшим добродетелям и, научившись презирать богатство и исторгши в себе корень зол, проведем спокойно жизнь настоящую и достигнем жизни будущей, которой да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 19

О роскоши и пьянстве²⁰

Великие блага происходят от двух добродетелей: от молитвы и поста. Ибо тот, кто молится, как должно, и притом постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать милостыню. Кто постится, тот становится легким и окрыляется и с бодрым духом молится, угащает злые пожелания, умиляет Бога, и смиряет надменный свой дух. Посему-то Апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легчайшие самого ветра. Ибо таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как-то со многими бывает; но он быстрее огня и выше земли, потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека искренно молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился: то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утех (сласти). Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно: то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мере можешь не роскошествовать; а это немаловажно и недалеко от пощения, и может укротить неистовство диавола. Ибо ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство – источник и мать всех зол. Сим-то диавол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, сим-то возжег содомлян на незаконные похоти! Ибо говорит Писание: сие есть беззаконие содомлян в гордости, в сытости, и в изобилии сластолюбствования (Иез. 16, 49). Это же самое и многих других погубило и предало геенне; ибо какого зла не производит роскошь!

Она делает людей свиньями и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек prepares себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и незаконную любовь. Таковой нимало не различается от бесноватого; он также бесстыдствует и неистовствует.

О бесноватом мы, по крайней мере, жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. А почему? Потому что он произвольно неистовствует, и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела, как бы среди зимы и мороза, и уже не может подать никакой помощи ладье по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страдают от сластолюбия и мужчины и женщины. Это я оставляют на их совесть, которая точнее знает все. Что отвратительнее женщины пьяной, качающейся туда и сюда? Чем неможнее сосуд, тем жесточее сокрушение. Свободная ли то будет жена или раба: свободная бесчестит себя среди рабов, но и раба тоже делает среди рабов; а таким образом делают то, что дары Божии хулятся неосмысленными. Я слышу, что когда встречаются такие случаи, говорят: когда бы не было вина! О глупость, о безумие! Другие грешат, а мы презираем дар Божий. Что за сумасбродство?

Ужели вино, о человек, причиной такого зла? Нет, не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. И так лучше скажи: о, если бы не было пьянства! О, если бы не было роскоши! А если скажем – лучше бы не было вина, то можем и далее сказать: о, если бы не было железа, потому что есть человекоубийцы! Хорошо, если бы не было ночи, потому что есть воры; лучше, если бы не было света, потому что есть клеветники; лучше бы не было жен, потому что есть блудницы! Таким образом, ты все, наконец, захочешь истребить.

---

²⁰ 57 Бес. на Ев. Мф.

Но ты не поступай так, ибо это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: видно дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для подкрепления здоровья, а не для расстройства, для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил сим даром, для чего же ты неумеренным употреблением сего дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит Апостол Павел: мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов (1 Тим. 5, 23). Если и Святой, одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, доколе не повелел ему учитель: какого же мы достойны будем осуждения, когда мы здоровые упиваемся? Ему сказано: мало вина приемли, сто-маха ради твоего и недугов твоих. А из вас каждому упивающемуся скажет Апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние. Если же потому не хотите воздерживаться от пьянства, то, по крайней мере, воздерживайтесь потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, ибо сказано: вино веселит сердце человека; а вы и это доброе его свойство порочите. Ибо, что за радость быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся, и все во мраке, подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, но для всех. Я не потому говорю, что все пьют, а потому, что непьющие не заботятся о пьющих. Потому я к вам особенно обращаюсь – к вам, находящиеся в здоровом состоянии! Ибо и врач, оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. И так к вам я простираю слово, умоляю вас, не заражайтесь сей болезнью, а тех, кои уже заразились, исхищайте из беды, дабы не было между вами людей, которые хуже бессловесных. Ибо скоты не требуют ничего более того, что нужно; а сии становятся бессмысленнее оных, преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таковых людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из сих животных и все прочие вообще, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства, и не простираются далее нужды. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. И так вы хуже бессловесных и в сем отношении. И что вы сами о себе думаете хуже, нежели о свиньях и ослах, это видно из того, что сих животных не заставляете есть сверх меры. Почему же это так, спросят? Ты скажешь, чтобы не нанести им вреда; а о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. И так ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах, и всегда обуреваемый не радишь о себе.

И не только в тот день, когда ты пьян, страдаешь от пьянства, но и после того дня. Подобно, как и по прошествии горячки, остаются еще следы пагубного влияния оной; так и у тебя и по прошествии хмеля и в душе и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслабленно, как корабль разбитый бурей, а того беднее душа: ибо и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по-видимому, приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши.

Как по укрощении волнения во время бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, кротость ли, смирение ли? Все сие пьянство повергает в море нечестия. А что еще после сего делает пьянство, того нельзя ни с чем и сравнить. Ибо там, по выгрузке, корабль делается легче; а здесь новое отягощение. Ибо вместо того богатства нагружается песком, соленой водой и всякой дрянью, от чего корабль и с пловцами и с кормчим тотчас погибает. Итак, дабы не потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного. Не льститеся, говорит Апостол, ни пьяницы, ни досадители, Царствия Божия не наследят (1 Кор. 6, 10). И что я говорю, Царствия небесного?

Пьяный не видит и настоящих предметов; ибо пьянство дни превращает для нас в ночи, свет во тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и после пьяницы подвергаются другой жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же

помилования ждать тем, кои убивают себя такими бедствиями? Совершенно никакого. Итак, потщимся избежать себя недуга, чтобы получить нам настоящие и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Кому слава и держава со Отцем и святым Духом во веки веков. Аминь.

Беседа 20

О гордости²¹

Один мудрый муж сказал: начало гордыни незнание Господа (Сир. 10, 14). Дьявол, не бывший прежде дьяволом, не был бы низвержен и не стал бы дьяволом, если бы не заболел этой самой болезнью. Она лишила его прежнего достоинства, она низвела его в геенну, она послужила для него причиной всех зол. Порок этот может сам по себе повредить всякую добродетель души – милостыню ли, молитву ли, пост или что-либо другое. Ибо сказано, что высокое у людей не чисто пред Господом. Не блуд только и не прелюбодеяние оскверняет тех, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому, что блуд хотя и не простительное зло, по крайней мере, иной человек может сослаться на пожелание; а высокомерие не имеет никакой причины, никакого предлога, под которым заслуживало бы хотя тень извинения; оно есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства. Подлинно нет безрассуднее человека высокомерного, хотя бы он обладал большим богатством, хотя бы получил обширное внешнее образование, хотя бы поставлен был на высшей степени власти, хотя бы имел у себя все, что для людей кажется завидным. Ибо, если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), – так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон, и тем стал бы тщеславиться?

Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это – не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты так упоен, что не вразумляешься приключениями других; то подожди немного, – и ты дознаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда, при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте, ты невольно оставишь их окружающим тебя людям и, что нередко случается, людям таким, которым ты и не хотел бы оставить. Многие даже не имели возможности распорядиться о них, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но им уже не было это позволено, и быв увлекаемы, отходя из мира невольно, по необходимости, оставляли свои блага тем, кому бы и не хотели. Чтобы и с нами этого не случилось, мы, пока живы и здоровы, предпошлем их в свой (небесный) град. Только таким образом мы будем иметь возможность насладиться ими; а иначе никак; таким образом мы положим их в надежном и безопасном месте. Ничто, ничто не может их отсюда исхитить: ни смерть, ни доверительные свидетельства, ни наследники, ни клеветы и наветы; но кто сколько принес с собой, отходя отсюда, тем всем и будет наслаждаться непрерывно. А найдется ли такой несчастный, который бы не захотел вечно утешаться своим стяжанием? Перенесем же свое богатство и положим его там. Для того перенесения нам не нужно ни ослов, ни верблюдов, ни колесниц, ни кораблей; и от этих хлопот избавил нас Бог, а нужны будут нам только бедные, хромые, слепые, недужные. Им-то поручен этот перевоз, они-то пересылают богатство на небо, они-то владельцев богатства вводят в наследие вечных благ, которого да достигнем и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

²¹ 16 Бес. на Ев. Иоан. Бог.

Беседа 21

О покаянии²²

Покаяние имеет великую силу; оно может человека, сильно погрузившегося во грехи, если он захочет, освободить от бремени грехов и, когда он находится в опасности, поставить в безопасности, хотя бы он достиг самой глубины зла. Это можно видеть из многих мест Писания. Еда подай не встает, говорит Пророк, или отвращаясь не обратится (Иер. 8, 4)?

Оно может, если мы захотим опять изобразить в нас Христа; ибо послушай, что говорит Павел: чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас (Гал. 4, 19); только мы должны приступить к покаянию. Посмотри на человеколюбие Божие: нас следовало бы наказать всеми родами наказания еще с самого начала за то, что, приняв закон естественный и получив тысячи благ, мы не познали Господа и вели жизнь нечистую; но Он не только не наказал нас, а еще даровал нам бесчисленные блага, как будто бы мы совершили великие подвиги. Потом опять мы отпали, но Он и после того не наказывает нас, а даровал врачевство покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачевство, и как им нужно пользоваться. В чем же состоит врачевство покаяния и как оно употребляется? Во-первых, оно состоит из сознания своих грехов и исповедания их. Беззаконие мое, говорит Пророк, познах, и греха моего не покрых: исповем на мя беззакония моя Господеви, и ты оставил еси нечестие сердца моего (Пс. 31, 5); и еще: глаголи ты беззакония твоя прежде да оправдишися (Ис. 43, 26); и еще: праведник самого себе оглагольник в первословии (Прит. 18, 17). Во-вторых, покаяние состоит из великого смиренномудрия; оно есть, как бы золотая цепь, которая, если взять ее за начало, следует вся. Так точно, если ты будешь исповедывать грехи, как должно исповедывать, то душа смирится; ибо совесть, терзая ее, делает смиренной.

С смиренномудрием должно соединять и нечто другое, дабы оно было таково, о каком молился блаженный Давид, когда говорил: сердце чисто созижди во мне, Боже (Пс. 50, 12); и еще: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (ст. 19). Ибо сердце сокрушенное не возмущается, не оскорбляет других, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает ни на кого. В том и состоит сокрушение сердца, когда оно, хотя само бывает оскорбляемо, хотя терпит зло, остается спокойным и не возбуждается к мщению.

После смиренномудрия нужны непрестанные молитвы и обильные слезы днем и ночью. Измею, говорит Пророк, на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу, утрудихся воздыханием моим (Пс. 6, 7); и еще: зане пепел, яко хлеб, ядох, и питание мое с плачем растворял (Пс. 101, 10). После молитв столь усильных нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния. Как во врачебных средствах, лекарство хотя много трав содержит в себе, но главную – одну: так и в покаянии подобной многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Ибо, послушай, что говорит Божественное Писание: дадите милостыню, и се вся чиста вам будут (Лк. 11, 41); и еще: милостынями и верою очищаются грехи (Дан. 4, 24); и еще: огонь горящ угасит вода, и милостыня очистит грехи (Сир. 3, 30). Далее нужно не гневаться, не памятозлобствовать и прощать всем грехи их; человек на человека, говорит Премудрый, сохраняет гнев, а от Господа ищет исцеления (Сир. 28, 3); отпускайте, говорит Господь, и отпустится вам (Мф. 6, 14). Также нужно отклонять братию от заблуждений; обраща, говорит Господь, утверди братию твою, дабы отпущены были тебе грехи твои (Лк. 22, 23). Еще нужно искреннее обращение со священниками; и еще кто,

---

²² 9 Бес. на Пос. к Евр.

говорит Апостол, грехи сотворил есть, отпустятся ему (Иак. 5, 15). Нужно защищать обижаемых, не гневаться, переносить все кротко.

Теперь, когда мы узнали, каким образом совершается покаяние и отпущение грехов, и что мы можем избежать всего, если захотим воспользоваться им, как должно, можем ли мы получить прощение, если не станем думать о своих согрешениях? Если бы мы исполняли это, то все было бы сделано. Как вошедший в дверь уже находится внутри: так точно и помышляющий о собственных согрешениях. Ибо, кто ежедневно помышляет о них, тот непременно достигнет и до их исцеления; а кто только говорит: я грешен, но не представляет себе грехов своих порознь и не пре-поминает: в том-то и в том-то я согрешил, тот никогда не перестанет грешить; он часто будет исповедываться, но никогда не будет думать о своем исправлении. Нужно только начать, а все прочее непременно последует за тем, если только будет сделан приступ; ибо во всем трудны только начало и приступ. Итак, положим основание, и все будет легко и удобно. Начнем покаяние, увещаю вас, один с усильных молитв, другой с обильных слез, третий с сердечного сокрушения; и последнее, как оно ни мало, не бесполезно; и опечалился, говорит Господь, и поиде дряхл в путех своих: пути его видех, и исцелих его (Ис. 57, 17–18). Все же вообще начнем с милосердия, с оставления ближним согрешений их, с забвения обид, с воздержания от злопамятства и мстительности, смиряя таким образом, души свои. Если бы мы постоянно воспоминали о грехах своих, тогда ничто из предметов внешних не могло бы возгордить нас, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; но если бы даже мы сидели на царском седалище, и тогда плакали бы горько. Блаженный Давид был царь и однако говорил: измею на всяку ночь ложе мое (Пс. 6, 7); ни багряница, ни диадима нисколько не причиняли ему вреда и не возбуждали в нем гордости; потому что он сознавал, что он человек; он имел сердце сокрушенное, потому и плакал. Что такое дела человеческие? Пепел и пыль, прах пред лицом ветра, дым и тень, лист и цвет, уносимые ветром, сон мечта и баснь, пустое колебание воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, течение непостоянное, и все, что только может быть еще ничтожнее этого. Посему, увещаю вас, будем стремиться к горней славе, дабы достигнуться. Эта слава есть истинная слава; а от всего житейского будем удаляться, дабы нам получить благодать и милость во Христе Иисусе, Господне нашем, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 22

О том, что милостыню должно подавать прежде родным²³

Многие полагают, что для спасения им довольно той добродетели, которой они обладают, и что если они хорошо будут располагать своей жизнью, то для спасения им уже больше ничего не будет недоставать. Но они думают неправильно, как доказал это тот, который закопал один талант. Ибо он принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил. Тоже доказывает и блаженный Павел, когда говорит: аще же кто о своих, паче же о присных, не промышляет, веры отверглся есть. Промышление разумеет всякое и о душе и о теле; ибо последнее есть тоже промышление. Тот, кто не печется о своих, паче же о присных, то есть принадлежащих к его роду, неверного горший есть (1 Тим. 5, 8). Это говорит и Исаия, глава Пророков: от свойственных племени твоего не презри (Ис. 58, 7); ибо каким образом может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собой рода и свойственников своих? Разве не называют все тщеславием то, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадит своих? Или с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то, что благотворить последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Ибо разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих? И неверного такой, говорит Апостол, горший есть. Почему? Потому что сей последний, если презирает чужих, то, по крайней мере, не презирает близких себе. Сказанное Апостолом имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и Закон Божий, и закон природы. Если же не пекущийся о присных отказался от веры и стал хуже неверного; то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Но каким образом он отказался от веры? Бога, говорит, исповедуют, а дела отменяются его (Тит. 1, 16). Между тем, что заповедует Бог, в которого веруют? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий сие? Подумаем, сколько нас таких, которые, сберегая деньги, презираем ближних. Бог для того и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благодарить друг друга. Поэтому если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от веры? Ибо не в том состоит вера, чтобы веровать только исповеданием, но нужно еще являть праведные дела.

---

²³ 14 Бес. на 1 Посл. к Тимоф.

Беседа 23

О пользе молитвы ночной²⁴

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю нее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Восстань и ты, посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться; самый мрак и совершенное безмолвие много располагает к умилению. если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течении дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь несколько не отличаются от мертвых, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу, как она есть; он есть образ смерти, он есть образ кончины. Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу и привести на мысль кончину мира.

Говорю это мужам и женам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о Царе, как он говорит: утрудился воздыханием моим, измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу (Пс. 6, 7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более его; как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: полунощи востах исповедатися тебе о судьбах правды твоя (Пс. 118, 62). Тогда не беспокоит тщеславие; ибо, как это возможно, когда все спят и не видят? Тогда не нападают лень и беспечность; ибо, как это возможно, когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом делается Церковью, составленной из мужей и жен. Не считай препятствием этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. Идеже бо еста два, говорит Христос, собрани во имя мое, ту есмь посреде их (Мф. 18, 20). А где присутствует Христос, там великое множество; где Христос, там необходимо бывают и Ангелы, и Архангелы, и прочие Силы. Посему вы – не одни, когда с вами Господь всех. И еще послушай, что говорит Премудрый: лучше един праведник, нежели тысяща грешник (Сир. 16, 3). Нет ничего бессильнее многих грешников, и ничего сильнее одного, живущего по закону Божию. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом делается Церковью; если же они малолетны и не могут переносить бодрствования, то пусть совершат или выслушают по крайней мере одну молитву или две, и успокоятся; только ты встань, только ты себе обрати это в навик.

Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит Пророк: аще поминах тя на постели моей, на утренних поучахся в тя (Пс. 62, 7). Но, скажешь, я утомился в продолжении дня, и не могу. это – отговорка и предлог; ибо сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты на уголья, и по всему телу пропитывается дымом, и однако проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле или придти в ночное собрание, как там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная ковальня, чтобы устроить не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния;

---

²⁴ 26 Бес. на Деян.

ударяй ее с великой высоты молотом, т. е. исповеданием грехов; ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, т. е. исповеданием грехов; воспламени огонь Духа. Твое художество гораздо лучше.

Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнейшую всего золота, подобно как ковачь меди свое произведение. Ты не вещественный приготавлиаешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобой светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя Пророк, как он говорит: светильник ногама моима закон твой (Пс. 118, 105). Воспламени душу молитвой; если увидишь, что она имеет довольно огня, то вынь ее из этого горнила, и устрой ее, как хочешь.

Поверь мне, не столько огонь истребляет ржавчину металла, сколько ночная молитва – ржавчину грехов наших. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночных стражей. Они повинаясь человеческому закону, обходят во время стужи, громко крича и проходя по улицам, часто под дождем и оцепенев от холода, для тебя, для твоей безопасности и для сбережения твоего имущества. Тот о твоём имуществе оказывает такое попечение; а ты не оказываешь даже о душе своей. И притом я не заставляю тебя ходить, подобно ему, под открытым небом, ни громко кричать и надрываться; но находясь в том же самом жилище, в той же самой спальне, преклони колена, обратись с молитвой ко Господу. Для чего сам Христос на горе пробыл всю ночь (Лк. 16, 12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собою пример? Тогда растения восстанавливают свои силы, т. е. во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем пополяется солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания и на всякое пламенное разжжение и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этой росой, то будет сожигаться во время дня. Впрочем да не подвергнется никто из вас сожжению от того огня, но пребывая в прохладе и под покровом человеколюбия Божия, да сподобимся все мы освободиться от бремени грехов, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 24

О том, чтобы не мстить оскорбившим и не иметь злопомнения²⁵

Слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий, делающий какое-либо другое зло, вредят гораздо больше самим себе; а нам приносят величайшую пользу, если мы не отмщаем за себя. Положим, например, такой-то ограбил тебя, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Чрез это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что ж, если я не мог отмстить обидевшему меня, потому что я слабее его? – то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, мог желать зла опечалившему тебя, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил: ибо, очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием, – мстить обидевшему проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него; а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. Молитесь, сказано, за творящих вам напасть, яко да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесах (Мф. 5, 44). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло? Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным, – благоденствиями, молитвами. Поэтому и Христос воздал (Иуде), хотевшему предать Его, благоденствиями, именно: умыл ему ноги, обличал его тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования: и хотя Иуда и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать свое. Но если хочешь, я научу тебя и примером рабов, и в особенности, рабов ветхозаветных, дабы ты видел, что мы не можем иметь никакого извинения, когда бываем злопамятны. Итак, хотите ли, я скажу вам о Моисее или не возвести ли слово еще далее?

Ибо чем древнее будут представлены примеры, тем будут они убедительнее. Почему же так? – потому что тогда добродетель была труднее. Жившие в то время не имели ни письменных наставлений, ни примеров жизни; подвизалась одна только природа без всякой посторонней помощи и принуждена была всюду плавать, без всякой опоры. Потому-то Писание, похваливая Ноя, не просто назвало его совершенным, но присовокупило: в роде своем, то есть, в такое время, когда было много препятствий. Конечно, после него прославились и другие, однако же он ничем не будет меньше их; потому что он был совершен в свое время. Кто же был долготерпеливее прежде Моисея? Блаженный и доблестный Иосиф, который, прославившись целомудрием, не менее прославился долготерпением. Его продали, между тем как он не сделал никакой обиды, но служил, работал и исполнял все, свойственное рабам. На него внесли злую хулу, но он не мстил, хотя имел и отца на своей стороне; напротив, он даже понес братьям пищу в пустыню и, когда не нашел их, не отчаялся и не возвратился назад, хотя и имел к тому случай, если бы хотел, но всегда сохранял истинно братское расположение к этим свирепым и жестоким людям. Опять, когда он сидел в темнице и был спрошен о причине, он не сказал о них ничего худого, а только: ничто зло сотворих и: татьбою украден из земли еврейския (Быт. 40, 15).

И после этого, когда снова получил власть, он и питал их, и избавил от бесчисленных зол. Так-то, когда мы бодрствуем над собой, злоба ближнего не может отвратить нас от добро-

---

²⁵ 71 Бес. на Ев. Иоан. Бог.

детели. Но не таковы были его братья. Они сняли с него одежду и хотели убить его, и поносили его за сновидение. Он принес им пищу, а они замыслили лишить его свободы и жизни. Сами ели, а брата, бросив нагого в ров, презирали. Что может быть хуже такого зверства? Каких убийц не были они бесчеловечнее? А потом, извлеки из рва, они передали его тысяче смертей, – продали людям иноплеменным и диким, отправлявшимся к варварам. Но он, сделавшись царем, не только не мстил им, но освободил их, сколько было в его власти, и от греха, назвав все случившееся делом Промысла Божия, а не их злобы. И все, что он ни сделал с ними, сделал не с тем, чтобы отмстить за обиду, но притворно, ради брата. От того-то, когда увидел впоследствии, что они не отпускают от себя его брата, – тотчас сбросил с себя личину, стал громко рыдать и обнимать их, как будто бы они, прежде погубившие его, оказали ему величайшее благодеяние; перевел их всех в Египет и осыпал бесчисленными благодеяниями. Какое же мы будем иметь оправдание, когда после закона и благодати, после такого умножения любомудрия, не подражаем и тому, кто жил до благодати и закона?

Кто избавит нас от наказания? Ибо нет, истинно нет ничего хуже злопамятства. И это показал должник десяти тысяч талантов. Сначала ему долг был прощен, а потом снова потребован: прощен – по человеколюбию Божию, а вновь потребован – за его жестокость и злопамятство к своему клеврету (Мф. 18, 24–38). Зная все это, будем прощать грехи нашим ближним и воздавать им добром, дабы и от Бога получить милость, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 25

О клятве²⁶

Мы положили закон или лучше, не мы положили, а нет, ибо сказано: не зовите учителя на земли (Мф. 23, 8–9); Христос положил закон, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мне, сделалось с этим законом? Я не перестану говорить об этом, да не како паки пришел, по слову Апостола, не пощажу (2 Кор. 13, 2). Подумали ли вы об этом? Позаботились ли? Было ли у вас какое-нибудь старание? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочем, было ли старание или нет, мы опять станем говорить те же слова, чтобы вы имели о том попечение; а если вы уже позаботились, то, чтобы опять исполняли это постоянное, и других склоняли к тому. Откуда же начать нам слово? Хотите ли, с Ветхого завета? Но стыдно ли нам, что мы не соблюдаем того, что предписано было в Ветхом завете и что надлежало бы нам превзойти? Нам следовало бы слушать не об этом, – это предписания иудейской бедности, – а о заповедях совершенных, как например: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповедь, смейся над всем земным, да не будет у тебя ничего общего с настоящей жизнью. Если кто обидит тебя, скажи ему благодеяние; если обманет, – заплати благословением; если будет поносить, – окажи почтение. Будь выше всего. Вот о чем и о подобном нам следовало бы слушать; а между тем, мы говорим о клятве! Это тоже, как если бы кто человека, который должен любому любомудрствовать, отвлек от учителей мудрости и заставил его читать еще по складам и разбирать буквы. Подумай, какой стыд для человека, имеющего длинную бороду, носящего палку и плащ, идти вместе с детьми к учителям и учиться тому же, чему они учатся! Не крайне ли смешно это? Но мы еще смешнее. Ибо не столько различия между философией и азбукой, сколько между иудейским образом жизни и нашим: здесь столько различия, сколько между Ангелами и людьми. Скажи мне: если бы кто низвел Ангела с неба и велел ему стоять здесь и слушать наши слова, как будто бы ему необходимо было поучаться в них, – не стыдно ли и не смешно ли было бы это? Если же смешно только еще учиться этому; то скажи мне, какое осуждение, какой стыд даже не внимать этому? И в самом деле, как не стыдно, что христиане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однако же, этой необходимости, что не подвергнуться еще большему стыду. Так станем же сегодня говорить вам из Ветхого завета. Что же говорит он? Заклинанию не обучай уст своих, и клятися именем святым не навывай (Сир. 23, 8–9). Почему. Яко же бо раб истязуем часто, от ран не умалится, такожде и кленыйся (Сир. 23, 10).

Заметь благоразумие этого мудреца. Не сказал: заклинанию не обучай мысли своей, но: уст своих; – ибо он знал, что здесь все зависит от уст и что это зло легко исправляется. Это, наконец, обращается в невольную привычку, подобно тому, как многие, входя в бани, вместе с тем, как переступают через порог двери, кладут на себе крестное знамение. Это обыкновенно делает рука по привычке, когда даже никто не приказывает. Опять и при возжжении светильника, часто рука творит знамение, между тем как мысль обращена на что-нибудь другое: так точно и уста говорят не от души, но по привычке, и все зло заключается в языке. И клятися, сказано, именем святым не навывай. Яко же бо раб истязуем часто, от ран не умалится, такожде и кленуемый. Не клятвoprеступление осуждается здесь, но клятва, и за нее полагается наказание. Следовательно, клясться – грех.

Такова, поистине, душа клянушагося: много на ней ран, много язв. Но ты не видишь? В том-то и беда!

Между тем, ты мог бы видеть, если бы захотел, потому что Бог дал тебе глаза. Такими глазами смотрел Пророк, когда говорил: возмердеша и согниша раны моя, от лица безумия

---

²⁶ 10 Бес. на Деян.

моего (Пс. 37. 6). Мы презрели Бога, возненавидели благое имя, попрали Христа, оставили стыд, – никто не воспоминает с уважением имени Божия. Ведь если ты кого любишь, ты встанешь при его имени; а Бога часто призываешь так, как бы он был ничто. Призывай Его, когда благотворишь врагу; призывай Его для спасения твоей души.

Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневлишь Его. Призывай Его, как приказывал Стефан. Что говорил он? Господи, не постави им греха сего (Деян. 7, 60). Призывай Его, как призывала жена Елканова, со слезами, с плачем, с молитвой. Этого я не запрещаю, напротив, к этому особенно побуждаю. Призывай Его, как призывал Моисей, когда взывал, молясь за тех, которые гнали его. Ведь если бы ты безрассудно стал упоминать о каком-нибудь почтенном человеке, это было бы для него поношением: а упоминая в своих речах о Боге не только безрассудно, но и неуместно, считаешь это за ничто? Какого же не достоин ты наказания! Я не запрещаю иметь Бога непрестанно в мыслях, – напротив, об этом и прошу и этого желаю, но не против воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы нам великие блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и в тех обстоятельствах, в которых нужно. Почему, скажи мне, при апостолах было столько чудес, а в наше время их нет, хотя Бог тот же и имя Его то же?

Это потому, что оно не одинаково употребляется нами. Каким образом? Так, что они призывали Его только в тех случаях, о которых я сказал, а мы призываем не в этих, но в других. Если же тебе не верят и ты поэтому клянешься, то скажи: поверь, и даже, если хочешь, клянись самым собой. Я говорю это не потому, чтобы хотел давать законы противные закону Христову, – отнюдь нет: ибо сказано: буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни (Мф. 5, 37); но по снисхождению к вам, чтобы больше побудить вас к этому и отвлечь от той ужасной привычки. Сколько людей, снискавших себе славу в других делах, погибло от этой привычки! Хотите ли знать, почему древним позволялось клясться? (Нарушать клятву и им было не позволено).

Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вам оставаться при тех же законах, какими водились люди немощные? Ведь и теперь, если я принимаю язычника, я не тотчас заповедаю ему это, но сначала убеждаю его познать Христа. Но если верующий и познавший Его и слышавший о нем, станет требовать себе такого же снисхождения, какое оказывается язычнику, – что пользы в этом, какая прибыль? Но сильна, скажешь, привычка, и тебе трудно оставить ее? Если так велика сила привычки, то перемени эту привычку на другую. Да как, скажешь, это возможно? Я часто уже говорил об этом и теперь скажу тоже. Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют, напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь если ты наденешь платье наизнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно; а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься, скажи мне, когда другой вразумляет тебя? Ты терпишь раба, который наряжает тебя в одежду и надевает на тебя обувь: а того, кто украшает душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безумие?

Пусть будет и раб учителем в этом, пусть будет – и дитя, и жена, и друг, и родственник и сосед. Как зверь, когда его отовсюду гонят, не может убежать:

так тот, кто имеет столько стражей и столько порицателей и кого отовсюду поражают, не может не быть осторожен. В первый день это будет для него тяжело, равно и во второй и в третий, потом будет легче, а после четвертого дня это не будет для него и делом. Сделайте опыт, если не верите. Позаботьтесь, прошу вас.

Немаловажен этот грех, немаловажно и исправление от него; напротив, здесь важно и то и другое, – и зло и добро. Но дай Бог, чтобы было добро, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 26

О тщеславии²⁷

Невозможно тому, кто раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Посему-то Христос и укорял иудеев, говоря: како можете веровати, славу от человек приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищуще (Ин. 5, 44)? Это какое-то сильное упоение; объятый страстью тщеславия, человек делается неисправим. Она, отторгая от небес душу своих пленников, пригвождает ее к земле, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побуждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык, столь сильных, что они владеют ими, даже ничего не приказывая. Ибо тот, кто болит этой болезнью, добровольно, хотя и никто ему не приказывает, делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается и в одежды нарядные, и украшает лицо, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения других. Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти; но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат эти расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их, что такое толпа? Они ответят: это нечто шумное, многочисленное, большей частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составленное часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок, более всякого другого? Впрочем, когда мирские люди прилепляются к нему, это еще не так опасно, хотя действительно опасно, но когда те, которые говорят, что отреклись от мира, страдают той же или еще тягчайшей болезнью, то это крайне опасно.

У мирских только трата денег, а здесь опасность касается души. Ибо когда правую веру меняют на славу и, чтобы прославиться самим, унижают Бога: скажи, пожалуй, не составляет ли это высшей степени бессмыслия и безумия? Другие страсти, хотя заключают в себе большой вред, но по крайней мере приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так корыстолюбец, винолюбец, женолюбец имеют некоторое свое удовольствие, хотя и со вредом, хотя и не продолжительное; но обладаемые страстью тщеславия всегда живут жизнью горькой, лишенной всякого удовольствия. Ибо они не достигают того, что так любят, — я разумею, славы народной; а хотя, по-видимому, и пользуются ею, на самом же деле не наслаждаются; потому что это вовсе не слава. Потому и самая страсть эта называется не славой, а тщеславием. И справедливо все древние называли это тщеславием. Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личины кажутся светлыми и приятными, а внутри пусты; поэтому, хотя и представляются благообразнее телесных (естественных) лиц, однако ж никогда еще и ни в ком не возбуждали любви к себе: точно так, или еще более жалко, слава в толпе прикрывает собой эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого мучения. Откуда же, скажешь, откуда рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть? Ниоткуда более, как только от души низкой и ничтожной. Ибо человек, увлекаемый (суетной) славой, не способен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду, — чтобы понравиться людям, не стоящим никакого внимания, во

---

²⁷ 3 Бес. на Ев. Иоан. Бог.

всяком случае следует погрешительному, блуждающему их мнению; тот может ли стоять чего-нибудь? Заметь же, если бы кто спросил его: как ты сам думаешь о толпе? Без сомнения, он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельной. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? Если бы и об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

Если же ты скажешь, что в толпе много людей, и что они составляют одно: то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Ибо если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то, когда таких много, они заслуживают еще большее презрение. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большей, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь можно бы исправить, если бы кто взял на себя это дело: но нелегко было бы исправить всех их вместе, — от того, что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае, следуя один за другим во мнениях. Итак, скажите мне: в такой ли толпе будете вы искать славы? Нет, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды им не сделали. Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнит сожительства, нисколько не хочет никого уважать; напротив, все доброе извергши из души, становится непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя она и мучительна и несносна, не постоянно однако же возмущает дух (человека), а только в то время, когда его другие раздражают. Напротив страсть тщеславия всегда (мучит), и нет, так сказать, времени, в которое она могла бы оставить; потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее; она всегда остается (в человеке), и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает так, что она не допускает и начать доброго дела. И если Павел лихоимание называет идолослужением (Еф. 5, 5): то как, по справедливости, назвать мать его (лихоимания), корень и источник, то есть тщеславие? Нельзя найти и названия, достойного этого зла! Итак, вотрезвимся, возлюбленные, отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинной свободой, и усвоим себе чувство достоинства, данного нам от Бога. Будем презирать славу в толпе. Ибо нет ничего столь смешного и унижительного, как эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и бесславия. Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть бесславие, и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу (человеческую), считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Таким образом возможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в истинном их виде, если только будем довольствоваться этим одним зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судить их? Как это несообразно: раб, что ни делает, все делает в угождение господину, не ищет ничего более, как только его внимания, не хочет привлекать на свои дела ничьих чужих взоров, хотя бы зрители тут были и важные люди, но только то одно имеет в виду, чтобы видел его господин; а мы, имея столь великого над собой Господа, ищем других зрителей, которые не могут только своими взглядами повредить нам и делать всякий труд наш напрасным!

Да не будет этого, умоляю вас! Но от Кого мы имеем получить награды, Того будем признавать и зрителем и прославителем наших дел. Не будем ни в чем полагаться на глаза человеческие. А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Ибо сказано: прославляющих Мене прослаблю (1 Цар. 2, 30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога, потому что сказано: ищите прежде царствия Божия и сия вся приложатся вам (Мф. 6, 33), так и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает

нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладели нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великой щедростью. Ибо скажи пожалуй, как славен Павел, когда он говорит: не ищем от человек славы, ни от вас, ни от иных (1 Сол. 2, 6). А кто счастливее того, кто ничего не имеет и всем владеет? Ибо когда мы, как я выше сказал, не будем покоряться владычеству их (богатству и славе), тогда и будем ими обладать, тогда их и получим. Итак, если мы желаем получить славу, будем бегать славы. Таким образом, исполнив законы Божии, возможем мы получить и здешние и обетованные блага, благодатию Христа, с Которым Отцу, вместе и Святому Духу, слава во веки веков. Аминь.

Беседа 27

О том, чтобы скорбеть о своих грехах и чем можно загладить их²⁸

Будем с трепетом внимать словам: На кого воззрю, говорит Господь, токмо на кроткого, смиренного, и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих (Ис. 66, 2)? Станем сокрушаться сердцем, будем оплакивать грехи свои, как заповедал нам Христос. Станем скорбеть о своих преступлениях, возобновим тщательно в памяти все, на что мы отваживались в прошедшее время и все то постараемся совершенно загладить.

К этому Бог открыл нам много путей. Глаголи ты, говорит Он, беззакония твоя прежде, да оправдишися (ис. 43, 26). И в другом месте: рех: исповем на мя беззаконие мое, и Ты оставил еси нечестие сердца моего (Пс. 31, 5). Так, частое воспоминание грехов и обвинение себя в них немало способствует к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не помним зла ни о ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще и третий путь? Послушай, что говорит Даниил: сего ради грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих (Дан. 4, 24). Есть и еще, кроме сего, путь – частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам немало утешения и оставления грехов также и пост, когда соединяется с любовью к ближним; он угашает и силу гнева Божия. Огонь горящий угасит вода и милостынями очищаются грехи (Сир. 3, 30). Итак, будем ходить по всем этим путям. Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время много приобретем для себя пользы; не дадим диаволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую... Но мы заградим ему оный проход, будем трезвиться, бодрствовать, чтобы, после краткого времени небольших трудов достигнуть в бесконечные веки бессмертных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

²⁸ 7 Бес. на Ев. Иоан. Бог.

Беседа 28

О высокомерии²⁹

Один мудрый муж сказал: начало греха гордыня (Сир. 10, 15), т. е. корень, источник, мать. Чрез нее и первозданный человек лишился блаженного состояния; чрез нее и обольстивший его диавол ниспал с высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнав, что грех сей может низвергнуть и с самых небес, избрало этот путь, чтобы лишить Адама столь великой чести. Надмив его обещанием равенства с Богом, он таким образом ниспроверг и низринул Адама в самую глубину ада. Подлинно, ничто так не отчуждает от человеколюбия Божия и не подвергает огню геенскому, как преобладание высокомерия. Когда оно в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистой, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях. Нечист, сказано, пред Господом всяк высокосердый (Прит. 16, 5). И так, если хотим быть чистыми и свободными от наказания, уготованного диаволу, обуздаем в себе надменность духа, отсечем высокомерие.

А что гордые необходимо подвергнутся одному наказанию с диаволом, послушай, что говорит об этом Павел: не новокрещенну, да не разгордевся в суд впадет (и в сеть) диавола (1 Тим. 3, 6). Что значит: в суд? То есть – в тоже осуждение, в тоже наказание. Как же избежать этой беды? Избежим, если будем размышлять о своей природе, о множестве согрешений, о великости будущих мучений, о том, что все, кажущееся здесь блистательным привременно, ничем не лучше травы и увядает скорее весенних цветов. Если часто будем возбуждать в себе такие мысли и приводить себе на память людей, совершивших великие подвиги, то диавол нелегко возможет надмить нас, сколько бы ни усиливался, не возможет даже запнуть нас на первых шагах. А Бог, Бог смиренных, благий и милосердый, сам да даст вам и нам сердце сокрушенное и смиренное. А таким образом мы возможем легко совершить и все прочее, во славу Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу и Святому Духу во веки веков. Аминь.

---

²⁹ 9 Бес. на Ев. Иоан. Бог.

Беседа 29

О молитве³⁰

Когда я говорю кому-нибудь: проси Бога, молись ему, прибегай к нему с молитвой, то мне отвечают: я просил однажды, дважды, трижды, десять, двадцать раз и еще не получил. Не переставай просить, брат, пока не получишь; конец молитвы – получение просимого. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай в молитве. Если ты не получил, то молись чтобы получить; если же ты получил, то благодари за то, что получил. Многие приходят в церковь, произносят тысячи стихов молитвы, и выходят, не зная, что говорили они – уста их движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы; как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? Ты говоришь: я преклонял колена; но ум твой блуждал вне; тело твоё было внутри церкви, а мысль твоя вне; уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, договоры, условия, поля, владения, общества друзей. Дьявол зол; он знает, что во время молитвы мы делаем великие успехи; потому тогда он и нападает на нас. Часто, лежа спокойно на постеле, мы ни о чем не мыслим; а когда приходим молиться, то являются тысячи помыслов, чтобы мы вышли без пользы.

Итак, возлюбленный, зная, что это бывает во время молитв, подражай хананеянке; хотя ты – муж, однако подражай жене, иноплеменнице, слабой, отверженной и презираемой. Ты не имеешь бесноватой дочери? Но ты имеешь грешную душу. Что сказала хананеянка? Помилуй мя: дщи моя зле беснуется. Так и ты скажи: помилуй мя; душа моя зле беснуется. Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник – ненависть; тот заслуживает прощение, а этот не имеет оправдания. Помилуй мя: краткое слово, но оно нашло море человеколюбия; потому что где милость, там все блага. Даже когда ты будешь вне церкви, зывай и говори: помилуй мя; говори, хотя не двигая уст, но зывая умом; Бог слышит и тех, которые молчат. Для этого требуется не место, а прежде всего душевное настроение. Иеремия был в грязной яме и привлёк к себе Бога; Даниил был во рве львином и благорасположил к себе Бога; три отрока были в печи и прославляя умиливали Бога; разбойник был пригвождён ко кресту, и крест не воспрепятствовал ему, но отверз рай; Иов сидел на гноище и пользовался милостию Божиею; Иона был во чреве кита, и Бог внимал ему. Будешь ли ты в умывальнице; молись; будешь ли в дороге, или на постеле, и где бы ты ни был, молись. Ты – храм Божий; не ищи же места; нужно только душевное расположение. Хотя бы ты стоял пред судиею, молись; когда гневается судия, молись. некогда впереди было море, позади египтяне, а посредине Моисей; великое было затруднение для молитвы; но велика была и широта молитвы. Сзади гнались египтяне, впереди было море, а посредине нужно было молиться. Моисей ничего не произносил, но Бог говорит ему: что вопиеш ко Мне (Исх. 14, 15)? Уста его не говорили, но ум зывал. Так и ты, возлюбленный, когда стоишь пред судиею гневным, беспощадным, угрожающим величайшими наказаниями, или пред другими палачами, делающими тоже самое, то молись Богу; и в то время, когда ты будешь молиться, волны утихнут. Судия против тебя? Ты прибегай к Богу. Начальник нападает на тебя? Ты призывай Господа. Разве Он человек, чтобы тебе искать Его в каком-нибудь месте? Бог всегда близ есть. Если ты хочешь просить человека, то сначала спрашиваешь, что он делает, не спит ли, не занят ли; и слуга не отвечает тебе. А у Бога нет ничего такого; куда бы ты ни ушел, и стал призывать Его, Он слышит; ни занятия, ни посредник, ни слуга не отделяют Его от тебя. Скажи: помилуй мя, и Бог тотчас делается присутствующим. Ещё глаголющу ти, говорит Пророк, речет: се приидох (Ис. 58, 9). О слово, исполненное благости! Он не ожидает окончания молитвы; ещё прежде нежели окончить молитву, ты уже

---

³⁰ 3 час. на Мес. Свящ. Пис. с. 307.

получаешь дар. Помилуй мя. Будем же, увещаю вас, подражать той хананеянке. Помилуй мя: дщи моя зле беснуется, говорила она. Господь же говорит ей: о жено, велия вера твоя: буди тебе якоже хочещи. И изцеле дщи ея. Когда? От того часа (Мф. 15, 28); не в то время, когда мать ее пришла домой, но еще прежде, нежели пришла.

Она пришла найти ее беснующеюся, и нашла здоровую, исцеленной. Будем же за все это благодарить Бога, Которому подобает слава во веки веков.

Аминь.

Беседа 30

О том, чтобы с кротостью переносить укоризны и бесчестие³¹

Научимся уступчивости и кротости у Спасителя: научитесь от Мене; говорит Он, яко кроток есмь и смирен сердцем (Мф. 11, 29), – и отвергнем всякую гневливость. Восстанет ли кто против нас, – мы да будем смиренны. Станет ли кто поступать с нами нагло, – мы да будем услужливы. Будет ли кто язвить и терзать нас насмешками и ругательствами, – не будем отвечать тем же, чтобы мщением за себя не погубить себя. Гнев есть зверь, зверь жестокий и лютый. Чтобы укротить его, будем припевать себе стихи из Божественного Писания и говорить: земля еси и пепел (Быт. 3, 19), и: по что гордится земля и пепел (Сир. 10, 9), также: устремление ярости его падение ему (1, 22), и еще: муж ярый не благообразен (Прит. 11, 25). Подлинно нет ничего безобразнее гневного лица; если же – лица, то тем более – души. Как тогда, когда разрывают грязь, обыкновенно бывает зловоние: так и тогда, когда душа возмущается гневом, появляется великое безобразие. Но не могу, скажешь, вынести поношения от врагов. Отчего же – скажи? Если враг сказал правду, то еще прежде его, тебе самому следовало бы укорить себя, и ты должен благодарить его за обличение; если же ложь, то не обращай на то внимания. Он назвал тебя нищим, – посмейся этому. Назвал низким или бессмысленным, – пожалей о нем. Ибо кто скажет брату своему: уроде, повинен есть геенне огненной (Мф. 5, 22). Итак, когда кто станет поносить тебя, помысли о том наказании, которому он подлежит, – и не только не будешь гневаться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимых лихорадкой или горячкой, но все жалеют о подобных людях и плачут. А такова и душа разгневанная. Если же хочешь и отмстить, смолчи, – и тем нанесешь врагу смертельный удар. Если же будешь отвечать на укоризну укоризной, то возметеш огонь.

Но присутствующие, скажешь, будут обвинять в малодушии, если стану молчать. Не в малодушии будут обвинять, а подивятся любомудрию. Если же ты, подвергшись поношению, станешь огорчаться, то чрез это будешь поносить сам себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебе справедливо. Отчего, скажи мне, богач смеется, когда слышит, что его называют нищим? Не оттого ли, что не сознаем за собой того, в чем укоряют нас. Притом же, доколе нам бояться суждений людских? Доколе будем презирать общего всем Владыку и прилепляться к плоти? Идеже бо в вас зависть и рвение и распри, не плотстии ли есте (1 Кор. 3, 3)? Будем же духовными и обуздаем этого страшного зверя. Между гневом и беснованием нет никакого различия; гнев есть тоже беснование, только временное, или даже он хуже и беснования. Бесноватый может еще получить прощение; а гневающийся подвергнется тысяче мучений, как добровольно стремящийся в бездну погибели. Да и прежде будущей геенны, он уже здесь терпит наказание, так как во всю ночь и во весь день носит в помыслах души своей непрестанное смятение и незатиhaющую бурю. Итак, дабы избавиться и наказания в жизни настоящей и мучения в будущей, отринем эту страсть и будем выказывать всякую кротость и уступчивость. Чрез это мы обретем покой нашим душам и здесь и в Царствии Небесном, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

³¹ 48 Бес. на Ев. Иоан. Бог.

Беседа 31

О зрелищах³²

Многие, думаю, из тех, которые недавно оставили нас и ушли на зрелище беззакония, сего дня находятся здесь (в церкви). И хотел бы я знать их верно, дабы изгнать из священного притвора, не с тем, чтобы они навсегда оставались вне его, но чтобы исправились, и потом вошли сюда снова. Так часто и отцы выгоняют дурных детей из дому и удаляют от стола, не с тем, чтобы они навсегда лишились этих (дома и стола), но чтобы, сделавшись лучшими от этого вразумления, возвратились под родительский кров с подобающей честью. Так делают и пастухи: отделяют овец, покрытых коростой, от здоровых, чтобы они, освободившись от злокачественной болезни, безопасно могли возвратиться к здоровым, и чтобы больные не сообщили всему стаду той же болезни. Для этого-то и нам хотелось бы знать тех (ушедших в театры); но, если и не можем мы распознать их чувственными глазами, то слово, конечно, узнает их и, коснувшись их совести, легко убедить их добровольно выйти из церкви, внушая им, что внутри ее находится только тот, кто имеет расположение духа, достойное пребывания здесь; а тот, напротив, кто приходит в это священное собрание с развращенными нравами, хоть и входит сюда телом, извержен отсюда и удален гораздо больше, нежели стоящие за дверьми и еще не могущие быть причастниками священной трапезы. Те, изверженные и остающиеся вне церкви по заповеди Божией, еще имеют благие надежды: потому что, если захотят исправиться от грехов, за которые изгнаны из церкви, могут с чистой совестью опять войти. Но осквернившие себя, и несмотря на запрещение входить сюда, пока не очистятся от скверны греховной, бесстыдно приходящие в церковь, усиливают свою болезнь и растрavляют рану. Преступно не столько делание греха, сколько бесстыдно после греха и неповиновение священникам, которые налагают подобные запрещения. Но что за важный грех, скажешь, сделали эти люди, чтобы за него изгнать их из этой священной ограды? А какой другой еще надобен тебе грех, больше греха этих людей, когда они, сделав себя совершенными прелюбодеями, бесстыдно, как бешеные псы, устремляются к этой священной трапезе?

И если хочешь ты узнать и самый способ прелюбодеяния, то скажу тебе слово, не мое, но самого Того, Кто будет судить всю нашу жизнь. Всяк, говорит Он, иже воззрит на жену, ко еже вожелети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28). Если случайно встретившаяся на площади и одетая как попало, женщина своим видом можем иногда уловить человека, который из любопытства посмотрит на нее: то как могут сказать о себе, что смотрели не с вожелением, те, которые входят в театры не просто и не случайно, но для этого именно и с таким рвением, что небрегут и о церкви, проводят целые дни, пригвоздившись глазами к бесчестным тем женщинам, где развратные речи, блудные песни, любострастный голос, подкрашенные брови, наруганные щеки, наряды, подобранные с особенным искусством, поступь, исполненная очарования, и множество приготовлено других приманок для обольщения и увлечения зрителей; где и душа зрителя в беспечности и великой рассеянности, где и самое место возбуждает к любострастию; где мелодия предшествовавших и последующих песней, выигрываемых на трубах, свирелях и других подобных инструментах, очаровывает и ослабляет силу ума, подготавливает души находящихся там к обольщениям блудниц, и делает их легкоуловимыми. Если похоть часто, как какой-нибудь хитрый разбойник, тайно входит (в человека) и здесь, где псалмы, и молитвы, и слышание Божественных слов, и страх Божий, и великое благоговение: то как могут быть выше этой злой похоти те, которые сидят в театре, и ничего здорового не видят и не слышат, напротив, исполнены гнусности и разврата, и терпят

---

³² Хр. Чт. 849 г. 3 Бес. о Давиде и Сауле.

поражение чрез все чувства, и чрез слух и чрез зрение? Если же они этого не могут (т. е. быть выше похоти): то как могут когда-либо освободиться от вины прелюбодеяния? А не свободные от вины прелюбодеяния, как могут они, без покаяния, вступить в этот священный притвор и участвовать в этом прекрасном собрании?

По этому увещаю и прошу их наперед очиститься, исповедью и покаянием, и всеми другими способами от греха, сделанного ими на зрелище, и тогда уже слушать Божественные слова. Грех этот немаловажен; это всякий ясно увидит из примеров. Если бы какой слуга в тот ящик, где хранится дорогая и раззолоченная, господская одежда, положил грязное, служительское платье: перенес ли бы ты, скажи мне, равнодушно такое оскорбление? А что, если бы кто в золотой сосуд, в котором постоянно держались благовонные масти, влил зловонную грязь: не наказал ли бы ты и побоями виновного в этом? Так о ящиках и сосудах, одеждах и благовонных мастях мы станем показывать столько заботливости, а душу свою почтем хуже всего этого? И туда, куда влито духовное миро, будем вливать дьявольские образы, сатанинские басни и песни блудные?

Как, скажи мне, потерпит это Бог? Между тем, не так велико расстояние между благовонной мастью и грязью, и между одеждой господской и служительской, как между духовной благодатью и этим злым делом. Ужели не боишься ты, человек, одними и теми же глазами смотреть и на сцену в театре, где представляются гнусные драмы прелюбодеяния, и на эту священную трапезу, где совершаются страшные таинства? Одними и теми же ушами слушать и сквернословящую блудницу и поучающего тебя словами Пророка и Апостола? Одним и тем же сердцем принимать и смертоносный яд, и страшную и святую жертву? Не отсюда ли развращение жизни, расстройство брачных союзов, распри и ссоры в семействах? В самом деле, когда ты, расстроившись тамошним зрелищем и сделавшись более сладострастным и похотливым, и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь жену: тебе уже не так приятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись на зрелищах похотью, и пленясь чужим обольстительным лицом, ты отвращаешься от целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков, не потому, чтобы было тебе за что винить ее, но потому, что стыдно высказать страсть и показать рану, с которой ты возвратился оттоле домой; сплетаешь другие предлоги, безумно выискивая повода к ссоре; с отвращением смотришь на всех домашних, предавшись совершенной той гнусной и нечистой похоти, которой уязвлен, и, нося в душе запавший в нее звук голоса, поступь, взгляд, движения и все образы блудные, ни на что домашнее не смотришь с удовольствием. И что говорю о жене и доме? На самую церковь будешь смотреть не так приятно, и слова о целомудрии и чистоте будешь слушать с неудовольствием. Слова эти будут тебе не поучением, а осуждением; мало-помалу ты уклоняешься и наконец, совсем отстаешь от этого общепользного учения. Поэтому, прошу всех вас, и сами избегайте губительного пребывания на зрелищах, и посещающих оные увлекайте оттуда. Ибо все, что бывает там, ведет, не к исправлению души, но к погибели, осуждению и наказанию. Что пользы в этом кратковременном удовольствии, когда из него рождается постоянная скорбь, и ты, днем и ночью уязвляемый похотью, для всех становишься тягостным и неприятным? Испытай же самого себя, каков бываешь ты по возвращении из церкви, и каков по выходе из театра; сличи оба эти дни, – и тебе не будет нужды в наших словах. Сравнение этих двух дней достаточно покажет, как много пользы здесь, и как много вреда там. Об этом я и теперь сказал вашей любви, и никогда не престану говорить: потому что чрез это мы и страждущих такими недугами облегчим и здоровым доставим более безопасности; тем и другим слово об этом полезно; одним для того, чтобы отстали от страсти к театрам, а другим для того, чтобы не впали в эту страсть.

Беседа 32

О примирении с врагами³³

Будем кроткими к нашим врагам. Не будем ни говорить, ни делать худого врагам, но будем даже благодетельствовать им по силам; чрез это мы сделаем больше добра самим себе, нежели им. Аще отпускаете врагам вашим, сказал Господь, отпустится вам (Мф. 6, 14). Прости грехи раба, чтобы тебе получить прощение грехов от Господа; если он сильно оскорбил тебя, то чем больше ты простишь, тем большее и сам получишь прощение. Потому мы и научены говорить: остави нам, яко мы оставляем (Мф. 6, 12), чтобы мы знали, что мера прощения первоначально зависит от нас. Таким образом, чем больше зла сделает нам враг, тем больше окажет благодеяний. Поспешим же и постараемся примириться с обидевшими нас, справедливо ли или несправедливо они гnevаются. Если ты примиришься здесь, то избавишься от суда там; если же вражда останется, между тем необходимо постигнет тебя суд. Как многие из людей, ссорящихся друг с другом, если решают ссору между собой дружелюбно вне судилища, то избавляются от убытка, страха и многих опасностей, полагая конец ссоре по желанию обеих сторон; если же обращаются к судье, то бывает часто и трата денег, и наказание, и нескончаемая остается вражда: так точно и здесь, если мы прекратим вражду в настоящей жизни, то избавимся от всякого наказания; если же, оставшись врагами, придем на то страшное судилище, то непременно подвергнемся крайнему осуждению по определению Судии, и получим неизбежное наказание оба, и несправедливо гневаящийся за то, что несправедливо гневается и справедливо гневаящийся – за то, что злопамятствовал, хотя и по справедливости.

Ибо, хотя бы мы и несправедливо терпели зло, нужно давать прощение обидевшим. Посмотри, как Господь располагает и побуждает несправедливо обидевших мириться с обиженными. Аще, говорит Он, принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянешь, яко брат твой имать нечто на тя, шед прежде смирися с братом твоим (Мф. 5, 23–24). Не сказал: приготовь, принеси жертву, но: смирися, и тогда принеси. Оставь ее, говорит, пусть она лежит, чтобы необходимость ее принесения заставила тебя невольно идти для примирения с гневующимися справедливо. Посмотри еще, как Он побуждает идти к оскорбившему нас, когда говорит: отпускайте должникам вашим, да и Отец ваш отпустит вам согрешения ваша (Мк. 11, 25). Немалую назначил он награду, но весьма много превышающую важность самого дела. Итак, помня все это и представляя воздаяние, назначенное за это, и то, сколь небольшого труда и старания нужно для заглаждения грехов, будем прощать оскорбившим нас. Чего другие едва достигают посредством поста, воздыхания, молитв, вретища, пепла и многократного раскаяния, т. е. заглаждения грехов своих, того нам можно легко достигнуть без вретища, пепла и поста, если только мы истребим из души гнев и будем искренно прощать обидевшим нас. Бог же мира и любви, исторгнув всякое раздражение, озлобление и гнев из души нашей, да даст нам, как сочленам, тесно соединиться друг с другом, и согласно, одними устами и одной душой, постоянно воссылать Ему подобающие благодарственные песнопения; ибо Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

---

³³ 2 ч. на Мес. Свящ. Пис. с. 414.

Беседа 33

О целомудренной супружеской жизни³⁴

Апостол Павел предписывая коринфянам закон о браке, присовокупил: жене муж должную любовь да воздает (1 Кор. 7, 3). Что хочет он выразить этими словами? Неужели то, чтобы он сберегал ей денежные доходы, чтобы хранил в целости приданое, чтобы доставлял драгоценные одежды или роскошный стол, или блистательные издержки, или большой ряд слуг? Что говоришь ты? Какого требуешь ты рода любви? И это все служит знаком любви. Нет, говорит Апостол, ничего такого я не разумею, но говорю о целомудрии и чистоте. Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее; ибо и из слуг тот называется преданным, который, приняв имущество господ, ничего не тратит из него.

Посему, так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А что он действительно разумел это, когда сказал: любовь да воздает, для того он присовокупил: жена своим телом не владеет, но муж: такожде и муж своим телом не владеет, но жена (1 Кор. 7, 4). Итак, когда ты видишь блудницу соблазняющую, увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: это тело не мое, но принадлежит моей жене; я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине. Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: обаче и вы по единому, кийждо свою жену сице да любит якоже и себе: а жена да боится своего мужа (Ефес. 5, 33); и еще: муж глава есть жены; и еще: должна жена повиноваться мужу (Ефес. 5, 23, 22); также в Ветхом завете сказано: к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет (Быт. 3, 16). Как же здесь он определил равную взаимность подчинения и господства? Ибо сказать: жена своим телом не владеет, но муж: такожде и муж своим телом не владеет, но жена, значит определить некоторое полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена – госпожа его тела. Почему же он определил такое равенство?

Потому, что там необходимо превосходство; а когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества пред женой, но подобно ей наказывается, если нарушает законы брака; и весьма справедливо. Ибо не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безрассудно ли, – получив приданое, показывать всю благорасположенность и нисколько не уменьшать его, а то, что драгоценнее всякого приданого, целомудрие и чистоту и тело свое, которое есть собственность жены, растлевать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвечаешь пред тестем; а если потеряешь целомудрие, то дашь отчет Богу, который установил брак и вручил тебе жену. А что это справедливо, послушай, что говорит Павел о прелюбодеях: темже убо отменяй, не человека отменяет, но Бога, давшего Духа своего Святого в вас (1 Сол. 4, 8). Видишь ли, как слово Божие внушает, что прелюбодеяние состоит не только в том, когда имеющий жену совершает блуд с женщиной замужней, но и с какой бы ни было блудницей? Как о женщине, имеющей мужа, мы говорим, что она прелюбодействует, со слугой ли грешит она, или с кем бы ни было; так и о муже мы должны сказать, что он прелюбодействует, когда имея сам жену, распутствует с рабыней ли или с какой бы то ни было общественной блудницей. Не будем же пренебрегать своим спасением и отдавать душу свою диаволу чрез этот грех. Отсюда происходит множество бедствий, разрушающих дома, и множество раздоров; от этого иссякает любовь и уничтожается благорасположение.

---

³⁴ 2 ч. на Мес. Свящ. Пис. с. 471.

Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею; так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех.

От целомудрия рождается любовь, а от любви бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что если ты после брака похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова; и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятной, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень. Таким образом и жена опять будет для тебя возделенной; потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней; и не только жена будет более возделенной, но и ты сам окажешься гораздо почтеннейшим и благороднейшим. Нет, подлинно нет ничего постыднее человека, который блудодействует после брака. Он чувствует стыд не только пред тестем и друзьями и встречными, но и пред самыми рабами. И не только это зло постигает его, но и самый дом кажется ему несноснее всякой темницы, тогда как он имеет пред глазами возлюбленную и постоянно мечтает о блуднице.

Хочешь ли узнать в точности, как велико это зло? Представь, какую жизнь ведут те, которые подозревают своих жен, как неприятна им пища, неприятно питье. Им кажется, что стол их наполнен отравками, и как от заразы, бегут они от своего дома, исполненного бесчисленных зол. Нет у них сна, не приносит им спокойствия ни ночь, ни общество друзей, ни самые лучи солнца; но самый свет считают они несносным для себя, не только тогда, когда видят, что жена предается прелюбодеянию, но даже если подозревают ее в этом. Подумай же, что и жена терпит то же самое, когда слышит от кого-нибудь, или только подозревает, что ты предал себя блудной женщине. Представляя это, не только избегай прелюбодеяния, но не подавай повода и к подозрениям; а если жена будет подозревать несправедливо, то успокой ее и разуверь. Не по вражде или гордости она делает это, но от заботливости и от того, что очень боится за свою собственность. Твое тело, как я выше сказал, есть ее собственность, и собственность, драгоценнейшая всякого имущества. Не обижай же ее в важнейшем предмете и не наноси ей смертельной раны. Но, если презираешь ее, то побойся Бога, мстителя за такие грехи; ибо о тех, которые осмеливаются делать это, Он говорит: червь их не умирает, и огонь не угасает (Мк. 9, 48). Если же не очень устрашает тебя будущее, то побойся, по крайней мере, настоящего; многие из тех, которые прилепляются к блудницам, и здесь злые злы погибли (Мф. 21, 41), пострадав от козней распутных женщин. Ибо они, стараясь друг пред другом отклонить человека от сожительства, соединенной с ним браком, и вполне подчинить его своей любви, прибегали к волшебствам, составляли чары и употребляли много обаяний; потом подвергнув его таким образом тяжелой болезни, предав тлению и продолжительному гниению и навлекши на него тысячи зол, лишали настоящей жизни.

Если ты, человек, не страшишься геенны, то побойся их обаяний. Когда ты чрез такое распутство сделаешь чуждым Божественного содействия и лишишь себя вышней помощи, тогда блудница, смело взяв тебя и призвав своих бесов, составив чары и устроив козни, весьма легко повредит твоему спасению и выставит тебя на позор и посмеяние всем жителям города, так что они даже не пожалеют о твоём злополучии.

Ибо кто помилует, говорит Премудрый, обаянника змеем усекнена, и всех приступающих к зверем (Сир. 12, 13)? Не говорю уже о потере имущества, об ежедневных подозрениях, надменности, наглости, оскорблении, которое блудницы делают глупцам; это горче тысячи смертей. От жены часто ты не переносишь и одного тяжелого слова; а пред блудницей, когда она даже бьет тебя, благоговеешь. И ты не стыдишься, не краснеешь, не жалеешь, чтобы пред тобою разверзлась земля? Как можешь ты войти в церковь и воздеть руки к небу? Как призовешь Бога устами, которыми ты целовал блудницу? И ты не трепещешь, скажи мне, и не боишься,

чтобы когда-нибудь молния, упавши свыше, не сожгла твою бесстыдную голову? Хотя бы ты и укрылся от своей обиженной жены, но никогда не укроешься от недремлющего ока. Так и тому прелюбодею, который говорил: тма окрест мене и стены, кого убоюсь, Премудрый отвечал: очи Господни тмами тем крат светлейшии солнца суть, прозирающии вся пути человеческия (Сир. 23, 26–28). По всему этому и сказал Павел: кийждо свою жену да имать, и каяждо жена своего мужа да имать. Жене муж должную любовь да воздает: такожде и жена мужу (1 Кор. 7, 2–3). Мед каплет от устен жены блудницы, яже на время наслаждает твой гортань, последи же горчае желчи обрящеши, и изошренну паче меда обоюдоустра (Притч. 5, 3–4).

Поцелуй блудницы заключает в себе яд, яд тайный и скрытный. Зачем же ты гоняешься за удовольствием, которое ведет к осуждению, производит гибель, наносит неизлечимую рану, тогда как можно получать удовольствие, не подвергаясь никакому злу? Со свободной женой и удовольствие, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совесть; а там великая горечь, великий вред, постоянное осуждение. Хотя бы никто из людей не видал, совесть никогда не перестанет осуждать тебя, но, куда бы ты не пошел, этот обвинитель будет следовать за тобой, осуждая и громко взывая против тебя. Таким образом, кто ищет удовольствия, тот особенно и пусть избегает общения с блудницами; потому что нет ничего горче этой привычки, ничего неприятнее этого общения, ничего порочнее этих нравов. Елень любви и жребя твоих благодатей да беседует тебе: источник твоея воды да будет тебе твой (Притч. 5, 18–19). Имея чистый источник воды, для чего ты прибегаешь к болоту, наполненному грязью, пахнущему геенной и невыразимым наказанием?

Какое ты будешь иметь оправдание, какое прощение? Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются, подобно тому человеку, который был одет в грязные одежды, то тем более – после брака. Ибо здесь бывает двойное и тройное преступление, как потому, что они, наслаждаясь удовольствием, устремились к такому распутству, так и потому, что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием; это тяжелее всякого греха. Будем же постоянно повторять это и самим себе и женам; посему и я заключу речь... Тщательно соблюдая слова Апостола, и на площади, и дома, и днем, и вечером, и за столом, и на ложе, и везде будем и сами стараться, и жен научать, и мы говорить, и нам говорить так, чтобы целомудренно прожив настоящую жизнь, сподобиться нам и Царства Небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

Беседа 34

Увещание не скорбеть о умерших³⁵

Вы слышали, как внушает нам Ап. Павел не скорбеть о умерших. Если мы станем разбирать апостольское изречение, то найдем великое сокровище. Не хочу, говорит, вас, братие, не вести о усопших,³⁶ да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог усопшия во Иисусе приведет с Ним (1 Сол. 4, 13–14). Здесь наперед надобно взять во внимание и рассмотреть, почему Апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью; когда же говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением. Не сказал: о умерших, но что? О усопших. И еще: тако и Бог усопшия во Иисусе приведен с Ним, а не сказал: умершия. Также: мы живущии оставшии в пришествие Господне не имамы предварити усопших (ст. 15). И здесь не сказал: умерших, но во всех трех местах смерть человек называл успением. О Христе же не так, а как? Аще бо веруем, яко Иисус умре. Не сказал: успе, но: умре. Итак, почему смерть Христову Апостол назвал смертью, а нашу успением? Не просто и не без цели он употребляет эти различные выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово: смерть, чтобы показать действительность Его страданий, а о нас – успение, чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребил слово: смерть, а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово: успение, этим словом и утешая нас и укрепляя благие надежды. Ибо спящий, конечно, встанет; а смерть есть не что иное, как долгий сон. Не говори мне, что умерший и не слышит, и не говорит, и не видит, и не чувствует: ибо таково же состояние и спящего. Сказал ли, нечто и странное? У спящего и душа как бы спит, но у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, говорят, гниет и тлеет, и превращается в перст и прах. Что же из сего, возлюбленный? По этому самому надобно более всего радоваться. Ибо и тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает его и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются; ибо обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. Тоже творит и Бог: Он разрушает наше тело, и, сперва изводит живущую в нем душу, как бы из некоего дома, дабы потом воздвигнуть его в лучшем виде, снова ввести в него душу с большею славой. Итак, будем обращать внимание не на разрушение, но на будущую славу.

Опять, если у кого статуя испортилась от ржавчины и от времени, и многие части у нее отвалились; то владелец, разбив ее, бросает в горн, и тщательно переплавив, делает ее лучшею. И как разрушение статуи в горне не есть уничтожение ее, но возобновление: так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда увидишь, что тело наше, как бы в горне разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом видении, но жди обновления: да и этим примером не довольствуйся, но прострись умом к более важному. Ибо ваятель, бросая в горн медное тело, делает статую не золотой и бессмертной, но такой же медной; а Бог, ввергая (в землю) тело перстное и смертное, делает тебе статую золотую и бессмертную; ибо земля, приняв тело тленное и смертное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласен, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего видения возведи помыслы к надежде будущего. Но ты следуешь обычаю, и потому скорбишь и плачешь? Но не странно ли? Когда ты отдашь дочь в замужество, не считаешь несчастием, если муж отходит с

---

³⁵ 5 бес. О Лазаре. 1848 г. Хр. чт.

³⁶ В славянском переводе: о умерших, а в греческом подлиннике о усопших.

ней в дальнюю сторону и там живет счастливо; потому что скорбь разлуки облегчается слухом о их благополучии: а здесь, когда не человек, не сораб какой, но сам Господь берет к себе твоего родственника, ты печалишься и сетуешь! – Как же, скажешь, возможно, человеку не скорбеть? Я и не говорю этого; и запрещаю не скорбь, а чрезмерность скорби: ибо скорбеть свойственно природе, но скорбеть чрез меру свойственно душе безрассудной, умоисступленной и изнеженной. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не досадуй. Возблагодари Взявшего, – и украсишь отшедшего, и облечешь его в светлую погребальную одежду. Если станешь роптать, то оскорбишь и отшедшего, и прогневаешь Взявшего, и повредишь самому себе: но если будешь благодарить, то и его украсишь и прославишь Взявшего и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Господь твой плакал о Лазаре, полагая нам меру, правила и пределы скорби, которых преступить не должно.

Так и Павел сказал: не хочу вас, братие, не ведети о усопших, да не скорбите якоже и прочии неимуции упования. Скорби, говорит он, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не надеющийся жизни будущей... Скажи мне, почему ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае должно благодарить, потому что положен предел его порокам. Но он был честный и добрый человек? И об этом надобно радоваться, потому что он скоро восхищен, прежде нежели злоба изменила разум его, и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности, и не страшится никакой перемены. Но он был молод? И за то прославь Взявшего, что скоро призвал его к лучшей жизни. Но он был стар? И за это опять возблагодари и прославь Взявшего. Постыдись вида выноса: псалмопения, молитвы, собор отцев и такое множество братий – не для того, чтобы ты плакал, скорбел и роптал, но чтобы благодарил Взявшего. Ибо, как призываемых к начальству многие провожают с почестями, так и верующих отшедших все провожают с великой славой, как призванных к высшей почести. Смерть есть упокоение, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из родственников твоих отошел отсюда, – не ропщи, но умились сердцем, войди в себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного спустя ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть ближнего, отринь всякую беспечность, рассмотри свои дела, исправь прегрешения, измени свою жизнь на лучшее. Мы тем и отличаемся от неверующих, что иначе судим о вещах. Неверующий видит небо, и поклоняется ему, ибо признает его за бога; видит землю, и чтит ее, и прилепляется к чувственным вещам. Мы не так; но видим небо, и удивляемся Создавшему его; ибо веруем, что оно не бог, а дело Божие; вижу я все творение, и чрез него восхожу к Создателю. Тот (неверующий) видит богатство, и изумляется, благоговеет: вижу богатство я, и посмеиваюсь. Тот видит бедность, и скорбит: вижу я бедность, и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе он. Так делаем и в рассуждении смерти: видит мертвого он и считает мертвым; смотрю я на умершего, и вместо смерти вижу сон. И как на буквы все мы, и знающие и незнающие грамоту, смотрим одинаковыми глазами, но неодинаковой мыслью; незнающие видят только буквы, а знающие искусно постигают заключающийся в буквах смысл: так и в жизни мы смотрим на события одинаковыми глазами, но не одинаковой мыслью и разумением. Итак, различаясь от язычников во всем прочем, ужели сойдемся с ними в суждениях о смерти?

Помысли, к кому отошел умерший, и утешься: он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых. Помысли, в какой славе и светлости он восстанет; помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившего, а только крайне повредишь себе. Помысли, кому ты в этом подражаешь и беги общения в грехе. Кому же ты подражаешь и соревнуешь? Неверным, не имеющим упования, как и Павел сказал: да не скорбите, якоже и прочии неимуции упования. Обрати внимание на точность выражения; не сказал: неимуции упования воскресения, но просто: неимуции упования. Ибо не имеющий надежды на тамошний суд не имеет никакого упования, и не знает ни того, что есть Бог, ни того что Он промышляет о настоящих делах, ни того, что за всем надзирает Божественное правосудие. А кто не знает и не промышляет об этом, тот бессмысленнее всякого зверя, и изгнал из души своей закон, суд

и правду, словом – все доброе. Ибо кто не готовится дать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив в этом и рассудив о невежестве и безумии язычников, с которыми мы сходствуем в сетовании об умерших, будем избегать такого согласия с ними. Для того и Павел упомянул об них, чтобы ты, размыслив о бесчестии, до которого ниспал ты, – уклонился от согласия с ними и возвратился к свойственному тебе благородству...

Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение, но и за надежду воскресения, которая может утешить и сетующую душу и убедить нас быть благодушными при разлуке с отшедшими, так как они воскреснут и соединятся с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то, конечно, о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелью.

Беседа 35

О том что милостыня выше жертвы, и о приобщении Святых Таин³⁷

Нам предложено ныне тело Христово, дабы мы ели и насытились. Итак, приступим с верою, приступим все немощные. Приступить же с верою значит не только принять предложенное, но прикоснуться к оному с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к самому Христу.

Итак, веруйте, что ныне совершается также вечеря, на которой Сам Он возлежал. Ибо ничем не отлична одна от другой. Нельзя сказать, что сию совершает человек, а ту совершал Христос; напротив ту и другую совершает Сам Он. Посему, когда видишь, что священник преподает тебе дары, представляй, что не священник делает сие, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимой силой держит главу твою, и ни Ангел, ни Архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться; так и в причащении. Если один Бог возрождает, то Ему одному принадлежит дар. Не видишь ли, что у нас желающие кого-либо усыновить, не рабам вверяют сие дело, а сами являются в Суд? Так и Бог не Ангелам вверил дар, но сам присутствует, повелевает и говорит: не зовите Отца на земли (Мф. 23, 9). Сим не запрещается тебе почитать родителей, не повелевается им предпочитать Создавшего тебя, и принявшего в число детей Своих. А кто дал тебе большее, т. е. предложил Самого Себя, Тот тем паче не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое тело. Итак, послушаем, священники и мирские, чего мы удостоились; послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу святую плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Снедая овча, бываем хищны как львы! Таинство сие требует, чтобы мы совершенно были чисты, не только от хищения, но и от малой вражды. Оно есть таинство мира, и не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас Самого Себя; то чего будем достойны мы, когда, сберегая богатство, не побережем души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, дабы они ежегодно воспоминали о Его благодеяниях; а тебе, так сказать, каждый день напоминает об оных чрез сии таинства. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши таинства; сим даром мы украшаемся, им хвалимся. Сказав, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал Пророков и ангелов, я не выражу всей Его благодати. Верх благодеяний Его состоит в том, что не пощадил Сына Своего для спасения отложившихся от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к сей трапезе, ибо оба они погибли от сребролюбия. Будем и мы избегать сей пропасти, и не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем златый и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а сосуд золотой; какая тебе из того польза? Посему будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Ибо дороже золота приобретенное без любостыжательности. Церковь не на то, чтобы в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание Ангелов. Посему мы требуем в дар ваши души, ибо для душ принимает Бога и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь ли почтить тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы,

---

³⁷ 50 Бес. на Ев. Матф.

если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод и наготу? Изрекший: сие есть тело Мое (Мф. 26, 26), и утвердивший то словом, сказал также: вы видели меня алчущего и не напители; и далее: понеже не сотвористе единому сих меньших, ни Мне сотвористе (Мф. 25, 42). Для сего таинственного Тела нужды не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть, нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любознательными и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшею. И Петр думал почитать Господа, не допуская Его умыть ноги; однако же это было не почтение, а нечто тому противное. Посему и ты почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть, истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, но золотые души.

Говоря сие, не запрещаю делать богатые вклады: требую только, чтобы вы вместе с вкладками и даже прежде оных творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию; а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, а потом остальное употреби на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды! Что пользы устроить для трапезы златотканые покровы, а Христу не дать и нужного для прикрытия? Какой плод от того? Скажи, например, ты видишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, только стол обкладываешь серебром; поблагодарит ли он тебя за это или скорее огорчится? И еще, ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его; не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли сего крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова; а ты вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи; а на Христа, связанного в темнице и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого, или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна, и огонь неугасимый и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата, ибо сей храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники, а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того похитить не может сам диавол; оно сбережется в неприступном хранилище.

Посему, прочитавши все узаконения о милостыне, данные и в Новом и в Ветхом Завете, употребим все старание на исполнение оных. Сие и грехи очищает, ибо сказано: дадите милостыню, и се вся чиста вам будет (Лк. 11, 41). Сие важнее жертв: милости хочу, а не жертвы (Ос. 6, 6). Сие отверзает небеса: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога (Дн. 10, 4). Сие нужнее девства. Так одни были изгнаны из брачного чертога, так другие введены были в оный! зная все сие, будем сеять щедро, дабы с большим изобилием пожать, и получить будущие блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

Беседа 36

О молитве³⁸

Будем всегда прибегать к Богу и у Него просить всего. Ничего нет равного молитве: она и невозможное делает возможным, трудное – легким, неудобное – удобным. Ее совершал и блаженный Давид, потому и говорил: седмерицею днем хвалих тя о судьбах правды твоея (Псал. 118, 164). Если же Царь, обремененный бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, столько раз в день молился Богу: то какое оправдание или прощение можем получить мы, которые имеем столько праздного времени, и не молимся Ему непрестанно, и притом тогда, как можем получить столь великую пользу? Ибо невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и призывающий Бога непрестанно, впал когда в грех. А почему это, я скажу. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, преселился на небо, и таким образом Господа назвал своим; кто вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и кротким: тот, по самому упражнению в такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше страстей человеческих. Врага ли увидит он после молитвы? Уже не будет смотреть на него, как на врага; красивую ли женщину? Не соблазнится при виде ее, потому что пламень, возженный молитвой, еще остается внутри его и отгоняет всякую негодную мысль.

Но поелику нам, как людям, свойственно и впасть в беспечность: то, как пройдет час другой и третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалу охладеть, беги тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу.

И если будешь делать это в продолжение всего дня, разогревая частым повторением молитв самые промежутки между ними, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям. Как поступаем мы, готовясь обедать и пить, – именно, когда увидим, что нагретая вода остыла, то, ставим ее опять на очаг, чтобы она поскорее нагрелась: так будем поступать и здесь; на молитву, как бы на горячие уголья, будем полагать уста свои, и таким образом опять воспламенять душу свою к благоговению. Станем также подражать домостроителям. И они, когда надобно строить здание из кирпича, по непрочности этого материала, связывают эту постройку длинными бревнами и кладут их не на большем, а на малом, друг от друга расстоянии, чтобы от частой кладки этих бревен связность кирпичей сделать крепче. Это сделай и ты; перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями из бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою. Если будешь так поступать, то хотя бы подули бесчисленные ветры, хотя бы напали искушения, скорби, какие-либо горькие мысли, или какое бы то ни было несчастье, не могут они уронить этого дома, скрепленного так частыми молитвами.

Но как возможно, скажешь, человеку светскому, привязанному к судилищу, молиться по три часа в день и приходить в церковь? Возможно, и весьма легко. Если же и нельзя придти в церковь, так можно и привязанному к судилищу помолиться, стоя там, пред дверьми: потому что для этого не столько нужно слово, сколько мысль, не столько простертые руки, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа. И Анна (мать Самуила) была услышана не потому, чтобы испускала громкий и сильный голос, но потому, что крепко вопияла внутренно, сердцем. Глас ее не слышашеся, говорит Писание (1 Цар. 1, 13); но Бог слышал ее. Это часто делали и многие другие: тогда как начальник внутри (судилища) кричал, грозил, напрягался, бесновался, они, стоя пред дверьми, оградив себя (крестным знамением) и произнеся умом краткую молитву, входили в судилище, и изменяли судию, укрощали его и из свирепого делали кротким; и ни место, ни время, ни молчание, не

---

³⁸ 4 Бес. об Анне 1849 г. Хр. Чт.

было для них препятствием к такой молитве. Так и ты сделай: восстанай горько, вспомни о грехах своих, возри на небо, скажи умом: помилуй мя Боже, и кончена молитва твоя. Кто сказал: помилуй, тот сделал исповедь, и сознал грехи свои, потому что желать помилования свойственно согрешившим. Кто сказал: помилуй мя, тот получил отпущение грехов; потому что помилованный не наказывается. Кто сказал: помилуй мя, тот получил Царствие Небесное, потому что Бог, кого помилует, того не только освобождает от наказания, но и удостаивает будущих благ. Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божиими, если только мы бдительны; стало быть (молиться) для нас по-своему весьма легко. Наше Богослужение не таково, каково было прежде у иудеев, имевшее много чувственного и требовавшее множества обрядов. Там молящемуся надлежало и взойти в храм, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять нож, и стать пред жертвенником, и исполнить множество других постановлений: здесь же не нужно ничего такого, но, где бы ни был, везде с тобой и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, покажи только добрую волю, и не помешает тебе место, не воспрепятствует и время; нет, хоть ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь, и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, так сделаешь все (нужное) для молитвы. Можно и жене, сидя за прялкой или занимаясь тканьем, воззреть умом на небо и призвать Бога пламенно; можно и мужу, выходя на площадь, или идучи по себе, совершать усердные молитвы; другому, и сидя в мастерской и сшивая кожи, можно вознести душу к Господу; можно слуге, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом: Он требует только одного пламенного сердца и целомудренной души. А чтобы увериться тебе, что для молитвы требуется не известное положение тела, место или время, но мысль доблестная и добрая, послушай, как Павел, лежа в темнице распростертый, а не стоя прямо, (потому что не позволяла ему этого колода, в которую забиты были ноги его), как он, помолившись с усердием, лежа, потряс темницу и поколебал ее основание, устрасил темничного стража и затем привел его к святому таинству. Опять Езекия, не стоя прямо, и не преклонив колена, но лежа на постели по причине болезни, и обратившись к стене, как с жаром и целомудренной душою призвал Бога, так и отменил произнесенный уже приговор, и привлек к себе великое благоволение Божие, и получил преждее здоровье. И это случалось не только со святыми и великими мужами, но и с порочными. Так разбойник, и не стоя в доме молитвы, ни приклонив колена, но распростерт будучи на кресте, немногими словами приобрел Царствие Небесное. Иной в тине и во рве, другой во рве и со зверями, иной даже в чреве китовом, призвав Бога, прекращал все бедственные обстоятельства, и привлекал к себе Вышнее благоволение.

Говорю это, чтобы убедить вас чаще приходить в церковь, и дома молиться в тишине, в свободное время, и преклоняя колена и воздевая руки. Если же в какое-либо время или в каком-либо месте будете находиться среди множества других людей: и тогда не надобно оставлять обычных молитв, но таким же образом, как я сказал любви вашей, молитесь и призывайте Бога, в надежде получить не меньшую пользу и от такой молитвы. Это я сказал не для того, чтобы вы мне рукоплескали и удивлялись, но чтобы исполнили то на деле, занимая и время ночи и дня, и время работы молитвами и молениями. Если мы так устроим себя, то и настоящую жизнь проведем в спокойствии, и получим Царствие Небесное, которого да удостоимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и всегда и во веки веков.

Аминь.

Беседа 37

О милостыне³⁹

Милостыня есть великое благо и Божий дар; и подавание милостыни уподобляет нас по возможности самому Богу. Это наипаче и делает человека человеком. Посему некто представляя образец человека, сказал между прочим: великое дело человек, и драгоценное – человек милостивый. Благодать сия важнее дара воскрешать мертвых. Ибо напитать алчущего Христа гораздо важнее, чем именем Иисусовым воскрешать мертвых. Там ты благодетельствуешь Христу, а здесь Он тебе. И награда тому, кто сам делает добро; а не тому, кто принимает от другого добро. При совершении чудес ты делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одолжаешь Бога. А творим милостыню, когда подаем оную охотно, щедро, когда думаем, что не даем, но сами принимаем; когда признаем ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерей.

Если же иначе подаем, то милостыня – не благодать.

Оказывающий другому милость должен радоваться, а не печалиться. С чем сообразно, если, облегчая скорбь другого, сам скорбишь? Тогда твое подавание уже не милостыня. Ибо если печалишься о том, что избавил другого от печали: то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше не подавать, нежели так подавать. И действительно – о чем ты печалишься? О том ли, что уменьшается у тебя золото? Если так рассуждаешь, то совершенно не давай. Если не веришь, что отлагается тебе на небе великое сокровище, то не уделяй. Но ты хочешь воздаяния здесь?

Для чего? Пусть милостыня будет милостыней, а не куплей. Правда, многие получили воздаяние и здесь, но сие не значит, что они будут иметь больше тех, кои здесь не получили. Напротив, некоторые из них получили вознаграждение здесь, как немощнейшие; потому что еще не сильно возжелали будущих благ.

Как люди жадные, незнающие приличия и раболепствующие чреву, быв призваны на царскую трапезу, и не дожидаясь надлежащего времени, подобно малым детям, – лишают себя истинного удовольствия, когда хватают вперед и наполняют чрево худшими яствами; так и те, которые ищут награды здесь, и получают оную, уменьшают будущую свою награду.

Давая в заем, ты желаешь обратно получить отданное по прошествии долгого времени, а не вскоре, чтобы таким замедлением увеличилась лихва. А в деле милостыни тотчас требуешь воздаяния; и хотя знаешь, что не здесь, а там будешь жить вечно; что не здесь будешь судим, а там отдать отчет. Если бы кто построил тебе дом там, где тебе не жить, – то не счел ли бы ты сего бесполезным: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве не знаешь, что мы подобно странникам и пришельцам пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они не ждут того и не надеются? Такой участи подлежим и все мы на земле. Посему, что ни приготавливаем здесь, здесь же и оставляем. Господь не позволяет нам при отшествии отсюда брать с собой, настроим ли домов или накупим полей, рабов, сосудов, или чего другого тому подобного. И не только не позволяет отходя отсюда брать это с собой, но не дает за то и платы. Ибо наперед сказал тебе: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставив свое, трудишься над чужим и тратишь чужое, чтобы погубить и труд и награду, и после подвергнуться вечному наказанию? Не делай сего, молю тебя. Но поелику мы пришельцы по естеству, то будем пришельцами и по произволению, чтобы там не быть пришельцами презренными и отверженными. Если пожелаем сделаться здешними гражданами, то не будем гражданами ни

---

³⁹ 16 Бес. на 2 пос. к Коринф.

здесь, ни там. Если же здесь останемся пришельцами, и будем жить, как свойственно жить пришельцам: то получим права граждан и здесь и там. Ибо праведник, даже ничего не имея, и здесь располагает всем как своим; и, перешедши на небо, узрит вечные свои кровы; здесь не потерпит он никакой неприятности; ибо кто может сделать странником того, для кого вся земля отечество? А достигши своего отечества, он получит истинное богатство. Итак, чтобы нам воспользоваться и теми и другими благами – как настоящими, так и будущими, будем употреблять настоящие, как должно. Ибо, таким образом, будем и гражданами небесными, и получим великую свободу, дай Бог, приобрести всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом. Аминь.

Беседа 38

О том, чтобы не гневаться на оскорбляющих, и приходить к ним для примирения⁴⁰

Какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь другому воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя, но для чего сам предаешься обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим; желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе. Не довольно нам других душевных тревог, возбуждающихся без всякой причины, как то: неуместных пожеланий, огорчений, сетований и тому подобного; надобно еще умножить их новыми! Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? Как невозможно, скажи мне? Разве слова наносят нам раны? Или делают шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорбляться, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от немощи; и точно это происходит от немощи; когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый хотя бы потерпел тысячи оскорблений, может удержаться.

Если мы будем представлять только это, т. е. что это происходит от немощи, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же. После этого я спрошу всех вас присутствующих: можете ли вы, если захотите, быть так любомудрыми, чтобы терпеть оскорбления? Думаю, что скажете: да.

Так, оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти; удержись же. Не видишь ли беснующихся?

Как они подвергаются этому не столько от вражды, сколько от немощи: так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих. Ибо, почему мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также, когда оскорбляющие суть или наши друзья, или высшие.

Не безрассудно ли в этих трех случаях, т. е. от друзей, от беснующихся и от высших переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем кто более оскорбляет, тот тем более слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит; ибо тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает напротив, то нужно даже радоваться; тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец и не просто великий, но гораздо больший, чем те борцы, ибо не все равно – низвергнуть противоборствующего врага или притупить стрелы гнева. Ты победил, не схватываясь с противником, низложил возбуждающуюся в тебе страсть, умертвил свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война.

Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу; так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы. Пусть же искра гнева хранится в нас и воспламеняется лишь благовременно, не против нас самих, не для того, чтобы причинить нам множество зол. Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте и не разбрасывается везде, и на сене, на

---

⁴⁰ 50 Бес. на Деян.

одеждах, и где случится, дабы он не воспламенился от дуновения ветра. Когда или служанка зажигает светильник, или повар разводит огонь, то строго им внушается, чтобы делали это не на ветру, не близ вещей деревянных и не в темноте; а когда наступает ночь, то мы тушим огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотреть за ним, он как-нибудь не разгорелся и не сожг всего. Точно также будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, дабы не возбуждал его ветер от слов противника, но дабы это возбуждение он получал от нас, а мы возбуждали бы его умеренно и безопасно. Как он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будем же воспалять его в нас только для того, чтобы он светил; ибо гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует; будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом; будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, а только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство, или вразумить чью-либо душу.

Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И, что особенно тяжело, когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится придти к другому и примириться; разойтись и разделиться не стыдится, напротив сам полагает начало этому злу; а придти и соединить разделившееся стыдится, подобно тому, как если бы кто отрезать член не усомнился, а срastить его стыдился. Что скажешь на это, человек? Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиной вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, как бывший причиной вражды. Или ты обижен, и тот был причиной вражды? И в этом случае следует начать примирение тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиной вражды, так не тебе быть и причиной ее продолжения; может быть и тот, сознав вину свою, устыдится и вразумится. Но он высокомерен?

Тем более ты не медли придти к нему; он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен придти к нему; ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме; ибо таковы – гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров; приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним придти; о тех, которые могут придти сами, они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же напротив.

А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот сильной горячке, а та развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкой и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сделать это при помощи Божией; останови его опухоль, как бы примочкой. Но что, скажешь, если от того самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя: только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного. Ухлеби, говорит Апостол, врага твоего: сие бо творя углие огненно собираеши на главу его (Рим. 12, 20). Впрочем, и при этом он повелевает идти, примириться и благодетельствовать врагу, не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодеяний больше, чем вражды, и этих знаков любви больше, чем обид. Ибо для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро: потому, что первый вредит хотя немного и себе и ему, а последний собирает углие огненное на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него угольев. Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия.

А что если я еще более усилю вражду? Нет; в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и тогда, как ты благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать вражду; то он сам на себя собирает огонь, сам сожигает

свою голову; а ты нисколько не виновен. Не представляй себя человеколюбивее Бога; иначе испытаешь множество зол; или лучше, хотя бы ты и захотел, ты не можешь достигнуть этого нисколько.

Якоже отстоит небо от земли, говорит Господь, тако отстоят помышления ваша от мысли моя (Ис. 55, 9); и еще: аще вы лукави суще умеете даяние блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст вам (Мф. 7, 11). Нет, это отговорка и предлог. Не будем же перетолковывать заповедей Божиих. А как, скажешь, мы перетолковываем их? Он сказал: сие творя, углие огненно собираешь на главу его; а ты говоришь: боюсь за врага, который жестоко оскорбил меня. Не так ли говоришь ты? Но для чего ты приобрел себе врага? Почему ты за оскорбителя боишься, а за себя не боишься? О, если бы ты заботился о самом себе! Не делай добра врагу с этой целью; или лучше делай, хотя с этой целью. Но ты не делаешь.

Скажу тебе не только, что соберешь на него горящие уголья, но и нечто другое большее; только делай. Павел говорит все это для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду, хотя надеждой на наказание врага. Мы столь жестоки, что не иначе хотели бы примириться с врагом, как в надежде навлечь на него какое-нибудь наказание; почему он и дает нам, как бы какому зверю, эту приманку. Но Апостолам Господь не сказал этого, а что? Да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесех (Мф. 5, 45). С другой стороны и невозможно, чтобы благодетельствующий и получающий благодетельствия остались врагами, потому Апостол и дал такую заповедь. Для чего ты, любомудрствуя на словах, не соблюдаешь должного на деле?

Хорошо, положим, что ты не насыщаешь врага для того, чтобы не собрать на него горящих угольев; следовательно, ты щадишь его? Любишь его? Благодетельствуешь с этой целью? Бог знает, точно ли с этой целью, как говоришь ты; может быть, ты хитришь пред нами и играешь словами. Ты заботишься о враге? Боишься, чтобы он не подвергся наказанию? Следовательно, ты погасил свой гнев; ибо кто питает такую любовь, что презирает собственную пользу для блага другого, тот не имеет вражды. Так мог бы ты сказать. Но доколе мы будем шутить в предметах не шуточных и непростительных? Посему увещаю вас, братие, возлюбленные Господом Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом, прошу и умоляю, оставив эти предлоги, не будем невнимательны к законам Божиим и непослушными Его заповедям, дабы нам благоугодно Господу провести настоящую жизнь и сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков! Аминь.

Беседа 39

О том, что христианин должен иметь все признаки верного⁴¹

Вижу, что многие после крещения живут небрежнее не крестившихся, и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Посему ни на торжище, ни в церкви, не скоро различишь, кто верующий, и кто не верующий; разве только при совершении таинств можешь увидеть, что одни бывают высылаемы, а другие остаются в храме. Но надлежало бы отличаться не по месту, а по нраву. Ибо достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам: а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А ежели ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости: то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для не желающих жить сообразно оной увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден, и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Сказал же я о сем для того, чтобы нам соблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах; вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу заключать о тебе по виду твоего лица; вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде; вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим; вижу, что ты водишь за собой тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам; слышу, что ты не произносишь ничего здравого, дельного, полезного к нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу; здесь открывается еще более причин к осуждению.

---

⁴¹ 4 Бес. на Ев. Мф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.